

Крысоловка

Автор:

Ингер Фриманссон

Крысоловка

Ингер Фриманссон

Все оттенки тайны

Роза всегда была одиночкой. Она и не мечтала встретить мужчину, с которым бы нашла свое счастье, – и не сетовала на судьбу. И та воздала ей за терпение: в нее влюбился Титус, красивый, сильный, уверенный. Брак у них получился на загляденье – без конфликтов, ссор, гармоничный и по-настоящему счастливый. Но спустя пятнадцать лет Титус встретил Ингрид – вовсе не красавицу, обычную женщину средних лет – и снова влюбился без памяти. И опять у него сложился счастливый брак. Минули годы, Роза снова научилась жить одна, ей даже стала нравиться уединенная жизнь в доме на берегу лесного озера. Но однажды прошлое вернулось – она открыла дверь и обнаружила на пороге Ингрид. С этой минуты дом Розы стал смертельной западней, выхода из которой не было ни у одной из них...

Ингер Фриманссон

Крысоловка

Густая тьма, разреженная лишь над головой. Вверху видны тонкие полосы света – едва угадывающийся четырехугольник. Где она? Это клетка? А что с рукой, так странно вывернута и не шевельнуть... Не вздохнуть от боли. Темно...

Она заплакала. Короткий вскрик:

– Выпустите меня отсюда! Выпустите!

Сумка, мобильник?.. Позвонить мужу, позвать на помощь. «Где ты, мышонок? – спросит он с легкой укоризной в голосе. – Я же волнуюсь. Куда ты подевалась, мышка моя?»

Inger Frimansson

R?TTF?NGERSKAN

Copyright © Inger Frimansson, R?ttf?ngerskan 2009

Книга издана при содействии Grand Nordic Agency и OKNO Literary Agency

Разработка серии А Сауков

Иллюстрация на обложке П. Борозенец

Часть первая

Мужчины

Роза

Она проснулась от вскрика. Дикого, пронизанного болью, короткого. Роза давно свыклась с ночными кошмарами, но сейчас сердце колотилось учащенно. В воздухе стоял запах пота. Лежала в глубоком, беспмятном забытии, сродни спячке. А потом в сон ворвался тревожный вопль.

«Спокойно, акуна-матата[1 - Акуна матата (суах. Nakuna matata) – букв, без забот.]», – пробормотала она и тут же осознала, что это одно из словечек Томаса, которыми он так любит ее поддразнивать. Ох уж эти странные модные обороты... то приходят, то уходят.

Отогнула край одеяла, выбралась из постели. Ступни словно ожгло огнем.

Несколько шагов к окну. Взгляд наружу. Боковым зрением заметила, как за жалюзи, в стороне, что-то прошмыгнуло к деревьям. Лиса. В сумраке рассмотрела, как зверь тряхнул головой, мотнул из стороны в сторону. В пасти животного что-то болталось. Заяц. Обвисшие длинные уши. Значит, то был предсмертный заячий крик. Вздохнула, потянулась. Сорочка вся мокрая. По спине побежали мурашки. Который час? Десять минут шестого, рассвет. Что-то рано проснулась. Направилась в ванную, ополоснула лицо и вернулась в кровать. Сердце застучало ровнее, успокаиваясь. Незаметно задремала, увидела тот же сон. Сон об Акеле. Акела был молод и гладок, обе собаки бежали рядом. Она за ними. Сука изредка останавливалась и дергала нескладной мордой: подожди, мол, пусть догонит... ты успеваешь там? Огромная бурая дворняга. Когда Роза впервые увидела собаку, сразу же вспомнилась сказка Андерсена.

Добрая, глупая псина. Ее унес рак. Поразил оба ряда сосков. Крайне агрессивная форма. Сложное, зловещее название.

Ветеринар смотрел на Розу, словно обвинял: «Разумеется, подобных осложнений можно избежать. Достаточно стерилизовать животное в первый год жизни, до начала течки. Раз уж вы решили не заниматься разведением щенков». Роза чувствовала себя виноватой, хотя, когда она завела эту суку для Акелы, той уже было три года. Собака, от которой отказались. Роза забрала ее из питомника-распределителя. Туда ее сдала пожилая пара – решились на это, когда поняли, что собачников из них не получится. Муж перенес инсульт, да и жене нездоровилось.

Тихий переливчатый клич пробивался сквозь дремоту, через щели в рамах, к барабанным перепонкам. Сон медленно отступал. Лебеди. Большие птицы возвращаются.

Глаза приоткрылись; щурясь, она оглядывала комнату. Какой странный свет – резкий, живой; совсем не то, что предрассветная мгла. Кровать ее

располагалась изголовьем к стене посередине комнаты. Чтобы вставать с той стороны, где проснулась, не натываясь на стену. Напротив кровати царственно возвышался унаследованный от бабушки секретер, справа от него – стол. На секретере – ваза с веточками голубики. Уже пробиваются первые розоватые цветочки. Секретер стоял напротив кровати всегда, свидетель их жизни с Титусом. От тех лет остались лишь фотографии – свадебные снимки, точно фотокарточки из отпуска, остальные вещи она выбросила. Еще осталась школьная фотография Томаса, второй класс. В связанном матерью свитере, челка падает на глаза. Угрюмый. Или печальный? Ей всегда было сложно понять выражение его лица.

Роза влезла в вельветовые брюки и старую хлопковую рубашу с длинными рукавами. Одежда давно обветшала. Воротник у рубашки Роза оторвала, служит ей кухонной тряпкой; на месте выреза рубашка натирала шею. Нежная кожа, мать называла Розу «экземплицей». «То царапаешься, то чешешься. Нужно перчатки носить. Иногда даже к кровати тебя привязывать приходится».

Все это Роза помнила. Обрывками, но помнила. Одежду, от которой тело горело так, что она плакала, беспокойно елозила. И тот ужас, который вызывали путы. Девичье личико матери наклоняется над кроватью: «Это для твоего же блага. Потерпи и привыкнешь, даже замечать перестанешь, все пройдет».

Да, ее называли Розой. Коровьим именем. Едва лишь повзрослев, она положила этому конец. В пятнадцать лет. Отец смущенно засмеялся и попробовал скривить губы, выговаривая новое слово. Получилось «Роус». Роуз. Вроде как на южный манер. А мать наотрез отказалась: «Для меня ты навсегда моя малышка Розочка, Роза, Роза золотая. И еще, в то утро, когда я тебя рожала... кожа в то утро у тебя была нежная, будто лепестки райской розы. Так что невозможно называть тебя как-то иначе, понимаешь, детка? Это имя у тебя словно во лбу сияет».

Вечная мамина склонность к театральным эффектам и выпендривным выражениям...

Роза зевнула. Провела рукой по тонким светлым волосам, начинающим седеть. Уже не блондинка. «Исповедь глупой блондинки». Что бы могло так называться? Книга? Или порнофильм?

Направилась в кухню. Оттуда открывался вид вниз, на воду и стволы сосен. Лед уже сошел – покрылся трещинами, а потом и вовсе исчез. Зима выдалась необычно мягкой. Вообще-то и на зиму вовсе не похоже: в конце ноября выпал снег, но пролежал лишь несколько дней, а затем – черед затяжных дождей. Ее то ливни не тревожили: влезала в сапоги и шла гулять. Как прежде, при жизни Акелы, трижды в день: утром, в обед и по вечерам. А в промежутках между прогулками она работала. Подрядилась для нескольких издательств: тут – редактором, там – корректором. Разумеется, с «Бладгюлдом» она больше не работала. С издательством, которое основал Титус. Впрочем, оно и не называлось больше «Бладгюлд». Титус переименовал компанию в «Врун Ферлаг» – в собственную честь. Пару раз она пробовала перевести какой-нибудь роман с датского или норвежского; вышло много сложнее, чем казалось. Смысл ускользал, слова не слушались. Пришлось отступить. Ну и ладно, ну и пусть, все равно... Хотя – да, конечно, переводы дали бы почувствовать собственную значимость. А деньги тут ни при чем, переводы оплачивались паршивей всех прочих работ. С другой стороны, не так уж много ей и требовалось.

Теперь она жила скромно, почти не выезжая в Стокгольм. Одевалась в обноски, новую одежду покупала редко. Уже не блондинка, подумалось, женщина в годах. Могла бы стать настоящей ведьмой. Если бы уже не была ею.

Посмотрела, как играет рябью на воде ветер. Свинцовая вода, белое крошево. Но снег, да и необычные весенние метели, из-за которых на Пасху встало все движение на дорогах, уже остались в прошлом, и все решили, что наступила весна. Многие даже поменяли покрышки на летние. Потом пожалели, особенно местные. Склоны в Седертелье крутые.

По ту сторону залива вырастали новые дома. Роскошные виллы класса люкс, для мультимиллионеров. А еще несколько лет назад там простирался лес. Потом пришли люди с бензопилами, понаехали бульдозеры. О стройке она узнавала из газет, в том числе и о скандале с застройщиками. Не рассчитались сполна с прибалтийскими рабочими, ютившимися в старых бытовках-развалюхах. А сейчас дома уже заселены. Вечером в канун Нового года на той стороне залива все так и сияло от салютов и фейерверков.

Повернула кран, залила воду в кофеварку. Тяжело взмахивая крыльями, к островкам полетела цапля. Серая, старая, на болотах перезимовала. Обычно птица сидела в тростниках, сложив крылья, мрачно нахохлившись. Оставляла блинчики помета, большие, белесые. Как-то раз Роза отнесла к островкам

хлебный прикорм, пожалела одинокую цаплю. Но в заводях птицы не оказалось. Хищница все-таки. Умеет выследить жертву, застать врасплох, ухватить клювом, затюкать до смерти.

Сняла тарелку с сушилки, соорудила бутерброд. Две миски на полу пустовали. Роза вымыла их, наполнила одну свежей водой, в другую плюхнула ложку холодных макарон, присыпанных тертым сыром. Составила свой завтрак на поднос и отнесла в гостиную, служившую ей кабинетом. Локтем отпихнув кипу с корректурой, поставила поднос на стол.

Она жила в маленьком домике, семьдесят три квадратных метра. Красный, с белой окантовкой по брусьям балок. Когда-то здесь обитали батраки и прислуга. А главный дом, Боргвиков хутор, располагался на вершине холма. Оттуда открывался величественный вид на город и канал.

Главная усадьба чаще всего пустовала. Нет, здание не было заброшено, все содержалось в идеальном порядке на случай, если хозяин пожелает наведаться. Его звали Клас Шредер. Это у него Роза арендовала коттедж.

– Можете изредка заглядывать, присматривать за домом, – сказал хозяин, когда они подписывали договор. – Когда-нибудь поселюсь там, но пока все недосуг, слитком много дел. Вот на пенсию выйду – и переберусь сюда.

– Ну, это, очевидно, случится еще не скоро, – подольстилась она.

Шредер рассмеялся:

– Да-да... Но все-таки как насчет того, чтобы изредка наведываться на виллу?

– Ну... вообще-то... я не могу взять на себя такую ответственность... управлять домом... – замялась Роза, опасаясь, что поспешное согласие заставит его передумать.

– Да нет же, черт, я имел в виду совершенно другое. Просто дайте знать, если какие проблемы, и я пришлю человека, чтобы навел порядок. Не хочется, чтобы в дом забралась шпана и устроила там черт-те что. Город просто кишит

уголовниками. – Шредер понизил голос: – Вы ведь понимаете, о чем я?

Ей всегда было трудно игнорировать ненависть к чужакам, не принимать ее на свой счет. Так что лучше бы он обошелся без намеков. Кивнула, чувствуя, как запылали щеки. Потянулась за ручкой.

Записала номер мобильного Шредера и даже дважды позвонила. Один раз, когда кто-то выбил оконную раму, а во второй – когда на желтом фасаде намалевали свастики. Она и не заметила, когда это случилось, и Акела голоса не подал.

Первый звонок оказался для Класа Шредера неожиданностью, хотя дело было в обед. Вероятно, оттого, что находился где-то за границей, в другом часовом поясе. Роза решила, что получилось неловко, так что в будущем лучше ограничиваться сообщениями.

Главный дом построили в конце девятнадцатого века. С тех пор его использовали под больницу, пансионат и детский приют, затем здание несколько лет пустовало, пока не появился Клас Шредер. Он вложил в реставрацию изрядные средства, отремонтировал даже коттедж. И вот уже почти пять лет Роза хозяйничает в этом домике.

Она подошла к дивану, завернулась в плед. Снизу, от залива, доносились резкие крики канадских гусей. Накануне она видела в лесу зябликов, порадовалась, что пичуги пережили недавние заморозки. Что не заоченели до смерти.

Пары, пары... Повсюду сейчас пары. Сороки, вороны, дятлы, клинтухи, большаки, лазоревки, князьки, деловито суесящиеся в гнездах. Только цапля одна. Да она сама.

Роза рассмеялась. У нее это до сих пор получается – смеяться над собой.

Ингрид

Она собирала мужа в больницу. А ведь всего несколько дней назад с трудом упростила отпустить его домой, убедила, что станет ухаживать за ним сама, справится. Но не судьба. Вчера, поздним субботним вечером, позвонила в отделение. Повезло: трубку взяла медсестра Лена.

– Алло? – Ровный голос медсестры – а у нее словно язык отнялся. – Кто это? Вас не слышно...

Вполне в духе медсестры Лены: сторониться всего, что чревато хоть малейшей болью. «Вас не слышно...» Ее душили рыдания.

– Вы успокойтесь, я подожду... – подталкивала медсестра к разговору невидимую собеседницу. Она всегда обладала каким-то шестым чувством. Как никто, умела уловить раздражение, подавленность, когда человек даже имя свое выговорить не в состоянии.

Ингрид положила телефонную трубку на столик. Стиснула переплетенные пальцы – крепко, еще сильнее. Потом раскрыла рот – широко, до спазма в горле. И напряжение начало отступать.

– Да, здравствуйте, это... Ингрид Андерссон...

Она сохранила девичью фамилию, хотя фамилия Титуса гораздо красивее и оригинальнее. Бруи. Титус Бруи. Однако разделить с мужем фамилию означало бы также разделить с ним и прошлое. И тогда к общему прошлому примешивалось бы еще и чувство вины. Возвращающееся всякий раз, когда она называет новую фамилию.

Лена сразу все поняла:

– А, привет. Как там у вас дела?

– Ничего... ничего не получается. Мы проиграли. – И она беззвучно, обреченно разрыдалась.

– Пожалуй, в таком случае имеет смысл вернуться. Место у нас есть.

– Большое спасибо. Извините. Мы приедем.

Собрала вещи. Зубная щетка, халат, потертая сумка, которая у него с незапамятных времен. Порой она стирала сумку в стиральной машине, чем только сильнее злила мужа. «Проклятая кошелка!» – ругался он. Вещь досталась от Розы. Это она сшила сумку ему в подарок. Бежевую, с клетчатой подкладкой. Можно скатать в рулон наподобие хозяйственной сумки, а когда сумка расправлена, то можно повесить на крючок – точно полотенце. Внутри кармашек – под маникюрные ножницы, бритву, зубные щетки и расческу. Раньше в бок сумки был вшит весьма вычурный золотой вензель из двух латинских букв: ТВ. Буквы облезли задолго до того, как сумка впервые угодила в стиральную машину. Сначала нитки залохматились, а потом монограмма и вовсе отвалилась.

Титус лежал на спине в их двухспальной постели. Голова откинута, темная борода нацелена вверх. Волосы уже подернуты сединой, однако все такие же густые – наперекор долгой химиотерапии. Он приподнял голову, глянул на нее, потом с усилием, прерывисто вдохнул.

– Нас ждут.

Титус молчал.

– Я поговорила с Леной. Она сегодня дежурит.

– Вот как...

– Титус, я...

– Черт!

Взгляд был рассеянный, блеклый. Будто боялся смотреть вперед.

– Все в порядке, – поспешно проговорила она, – я тебя люблю, все хорошо.

– Проклятье! Ингрид! Проклятье!

– Все в порядке, – повторила она громче. – Я помогу тебе одеться.

Склонилась над ним, ощутила резкий запах изо рта. Аммиачный. Затаила дыхание, стараясь не выдать отвращения.

Он протянул руки. Длинные сильные пальцы – она оценила их еще тогда, в самом начале. Длинные сильные пальцы, провоцирующие на мысли о том, что они могли бы с ней проделывать. Кожа на руках гладкая. Ни следа старости или болезни – только синяки от капельницы и внутривенных инъекций.

Помогла надеть рубашку. Отметила, что одежда велика. Перехватило горло.

– Я спал, – вяло пробормотал он. – Снилось, будто веслами гребу...

– Правда?

– Угу.

– А я была в твоем сне?

– Нет...

– Намекаешь, будто это вообще не мое дело, а? Грести то есть...

Словно захлопнула, дочитала книгу жизни. Двух жизней...

Он сделал вид, что не слышит.

– Я был на «Гуппи»... И мы... плясали... под водопадом...

Он пытался научить ее обращаться с веслами. Страшновато было. Скованность в движениях, неловкость, равновесие она держала недолго: кувырк – и сразу под воду. Хотя он и уверял, что перевернуться практически нереально. Особенно женщинам, ведь у вас центр тяжести смещенный, – и хлопал ее пониже спины, а затем целовал. «Гуппи» она подарила ему на юбилей. Одноместный каяк, просто созданный для преодоления порогов.

Взялась за носки, скатала к пальцам, мягко стянула со ступней. Надо бы ногти подровнять, ногти она ему не часто стригла. Неприятно. Твердые, будто камень, и желтые такие. Неужели волосы и ногти и после смерти растут? Гадость какая. И откуда вообще эти мифы берутся?

Встала, сдернула со стула брюки, аккуратно висевшие на спинке. Опрятный, подтянутый, несмотря на болезнь. Туфли всегда до блеска начищены, никакой небрежности, уж точно неряхой не назовешь. Каждая вещь на месте. Не то что у нее...

Заснул прямо в кальсонах. Под тканью выдавался усталый, сморщенный член. Она застенчиво погладила мускулистые бедра. Похудел, намного тоньше, чем прежде. Заглянула в лицо. Никакой реакции...

– Ты...

Он даже не шевельнулся.

– Ты... Титус, дорогой мой, ты же знаешь, как я люблю тебя, – прошептала она. – И никто нас не разлучит...

Он вымученно улыбнулся:

– Никто?

– Никто-никто. Разве это не понятно?

– Хм...

– Помогу тебе брюки надеть. Можешь приподняться? Совсем чуть-чуть?

Он вскочил резким рывком. Молниеносно натянул штаны.

Ингрид стояла и смотрела, как он возится с молнией. Как без сил повалился обратно на скомканные простыни. Заколыхался водяной матрас.

– Такси вызови, – буркнул он.

Роза

Тихий шорох по линолеуму. Стул лапок, коготков. Роза сохранила файл, прокралась на кухню. Названная ей Клюковкой темно-серая крыса обернулась и приняла защитную стойку: ушки прижаты, тельце напряжено. Из-под усов выпал ломтик сыра. Роза опустилась на корточки, сказала успокаивающе:

– Это же я.

Крыса села, ушки торчком. Хвост как пружина.

– Проголодалась? Ах ты, бедняжка... Ну, ешь, я себе еще сделаю.

Крыса будто поняла: отвернулась и деловито принялась есть, помогая себе лапками – умело и проворно, точно крошечный человечек. «Какие же все разные, – подумала Роза, – вот ведь даже крысы бывают аккуратистками. Другие на еду буквально бросаются, а Клюковка – нет». Она подошла к раковине, опустила тарелку в мойку. Повела в сторону зверька ломтиком сыра. Грызун неотрывно смотрел на женщину. Усики подрагивали.

– Да иди же, трусишка, возьми, – сказала Роза ласково. – Вкуснятина, настоящий «Эмменталь».

Крыса направилась было в ее сторону, но вдруг юркнула под диван. Туда, где крысиный лаз. Увидев крысу впервые, Роза испугалась. Встревожилась не на шутку. Крысы переносят заразу, таскают всякую дрянь. Она тогда поспешила в хозяйственный магазин за крысоловкой. С тех пор ловушка валяется в сарае, ни разу не использованная. Роза просто не смогла пустить ее в дело. А все из-за крысят. Гнездо под диваном она обнаружила в тот же день: старое одеяло, на котором отсыпался Акела, завалилось за спинку и лежало у самой стены. И вдруг – тонкий, почти неразличимый писк...

Пять розовых крысенок. Новорожденные, день всего, не больше. Тесно жмутся в теплый живой комок из носиков и сердечек. Стоило отодвинуть диван, как крыса-мать исчезла. Скользнула в лаз, к досаде Розы. Старая крыса ее бесила. Она прозвала старуху Пойма: жирная, с огромным, вместительным брюхом, которое не опало, даже когда крысятами разродилась. Роза смотрела, как крыса ест: жадно, вгрызаясь в пищу, никого не подпуская, пока дочиста не подьест. Даже собственный выводок не жалела.

С тем пометом и появилась Клюковка, а еще народились Фига и Земляничка. Был и пятый крысеныш, да быстро издох, так что даже имя придумать не успела. Да и Ежевичка куда-то запропастилась – наверное, тоже погибла. У нее лапка была покалеченная. Запросто мамаша могла загрызть.

Хотя Пойме тоже конец пришел. Роза вздохнула облегченно, когда обнаружила у крыльца огромную дохлую крысу. Дело было в ноябре. Отпрыски к тому времени выросли, стали вполне самостоятельные.

Крыса лежала в снегу, морда в крови. Снег пропитался алым, животное лежало, будто на багровой подушке.

Отчего она сдохла? Отравилась? Роза не имела ни малейшего понятия. Может, от старости? Выглядит совсем дряхлой: мех повылез, проплешины. Да и приплод не такой уж обильный. В последний раз животное выжало из себя пятерых крысенышей.

Роза надела садовые перчатки и достала черный мешок, с которым подбирала какашки за Акелой. Подняв мертвого грызуна, подивилась тяжести. Пасть приоткрыта – будто в гримасе предсмертной брезгливости. Острые зубы, выпученные глаза чуть ли не вылезли из орбит. Ран не заметно, кровь, должно быть, из ушей вытекала.

Отправить Пойму в мусор представлялось вполне справедливым концом. В отношении Поймы любой поступок справедлив. Крыса бросалась на Розу, вечно норовила ухватить за пятки, когда хозяйка гуляла по дому босиком. А еще от нее несло тухлыми яйцами. Даже когда Пойма ушмыгивала обратно в логово, вонь долго стояла в комнате. Зато крысята ничем не пахли.

Вот одна из питомиц прошмыгнула под диван, только носик наружу торчит. Роза опустила на колени, по-японски. Обвязала шнурком сырный кубик, положила на коврик. Клюковка подбиралась с осторожностью. В отличие от своих товарок, днем она бодрствовала.

– Давай же, дуреха, – уговаривала Роза, – ты ведь видишь, что это. Вылезай, попробуй.

Ушки у Клюковки розовые, а если взглянуть на просвет, когда за окном проплывает солнце, то сетка кровеносных сосудов придает им сходство с листиками растений. Крысе нравилось валяться на солнце – нежится, едва не мурлычет. Клюковка робкая. Зато Фига с Земляничкой боевитые. Земляничка даже время от времени давалась на руки. Роза гладила более бархатистый, чем у остальных крысят, мех, чесала за ушками. Однажды зверек залез Розе в рукав свитера. Было щекотно.

Порой крысята пропадали, возвращались через несколько дней. Похудевшие, всклокоченные, со свалявшейся шерстью, будто из военного похода. Но они возвращались, всегда.

И только Клюковка никогда не уходила.

Сперва Розу тревожили хвосты, они казались отдельными тварями с непредсказуемыми повадками. Было что-то пугающее в их сходстве с червяками. Но потом Фига разродилась выводком. Где-то в подполе. Роза не знала, сколько крысят появилось. Слышала, что у крыс бывает до двадцати детенышей в одном помете. Крысят она не видела, одну только крошечную толстушку, которая выбралась из подпола на дрожащих лапках. Крысенок уселся на коврик и огляделся по сторонам. Черная шерстка отливала серебром: ни малейшего сходства с серой бабкой. Крошечные лапки похожи на миниатюрные ладошки, гладкий розовый хвост покрыт волосками – тонкими, ровными, будто серебряные проволочки. Малышка Фиги. Она назвала крошку Нэлья, «Четверка» по-фински. Имя ей очень шло: такое мягкое, красивое. Умом Нэлья пошла в мамашу. Роза уже поняла: не все крысы одинаковы. Фига, пожалуй, самая сообразительная. Порой Розе даже казалось, будто зверек понимает человеческую речь.

Движение сбоку: Клюковка приблизилась, принюхиваясь, и так разохотилась, что ринулась к сыру со всей прыти. Роза потянула за шнурок, по сантиметру

приближая сыр к себе, крыса припустила бегом. Едва приманка поравнялась с коленкой, Роза дернула шнурок вверх.

Клюковка встала на задние лапки. Серьезно поглядывала то на женщину, то на кусок сыра. Нос нервно подергивался.

– Вот, угощайся, – произнесла Роза. – Это тебе. Умница, заработала.

Клюковка пискнула в ответ, ухватила сыр и скрылась под диваном.

Ингрид

Предыдущие два раза оформляться через приемный покой неотложки им не пришлось – Титусу дали зеленый свет. Это он сам так шутил. Черный юмор.

Вообще-то его положили в реанимацию. Считалось, что шанс на выздоровление есть. Но недавно доктор Стенстрём отвела Ингрид в свой кабинет и произнесла слово «хоспис». Перед глазами у Ингрид все поплыло, она согнулась, уперлась лбом в стол. Доктор неуклюже похлопала ее по спине:

– Ингрид, давайте я вам что-нибудь выпишу. Как вы спите? Ночной сон очень важен для поддержания сил.

Ингрид выпрямилась. В ушах шумело.

– Хоспис... – хрипло выдохнула она.

– Да. Хоспис.

Докторша села. Поправила волосы, убрала локоны за уши, подалась вперед. В мочках блестели капельки золотых сережек. Ингрид смотрела то на клавиатуру, то на запутавшиеся компьютерные провода, отчаянно пытаясь сосредоточиться.

– Можно предложить несколько вариантов на выбор, – продолжала врач. – Вот, к примеру, есть Стокгольмский дом, это за улицей Мариеберга, на Кюнгсхольме, у него хорошая репутация, достойное место. Или пансионат в Эрсте, там тоже хорошо. Разумеется, имеет смысл рассмотреть и вариант с антропософской клиникой в Ярне – правда, это уже далеко. Но работают там весьма профессионально, квалификация у персонала высочайшая. И еще там... уютно. Мы займемся этим вопросом и постараемся выяснить, где могут принять вашего мужа. Разумеется, придется некоторое время подождать. Сами понимаете...

– А здесь? – чуть слышно спросила Ингрид. – А здесь как же? – Она почти шептала. – Нам здесь нравится... и мы вас знаем всех, и вы знаете Титуса.

Докторша улыбнулась. Беспощадной улыбкой.

– Я рада, что вам у нас хорошо. Но дело в том, что мы не в состоянии предоставлять Титусу длительный уход. Намного комфортней ему будет в хосписе... Там он обретет более достойные условия. Там ему будет удобней и... лечение будет более подходящее.

«Конечная станция, поезд дальше не идет! – зазвучало в мозгу Ингрид. – Просьба всем пассажирам выйти из вагонов!»

Ее охватило истерическое желание рассмеяться, так что пришлось со всей силы прикусить щеку. На глазах выступили слезы, она разрыдалась, достала носовой платок. Доктор сочувственно смотрела.

Ингрид молчала, пауза все тянулась. Постукивала секундная стрелка стенных часов. Наконец докторша откашлялась и заговорила:

– Есть еще один вариант. Если он, конечно, сможет находиться в домашних условиях. Вам помогут, для такого случая есть бригада домашнего ухода, капельницы и прочее оборудование, очень квалифицированный персонал. Вас никогда не оставят одних, это я могу вам обещать. К тому же, насколько я понимаю, большую часть времени вы проводите дома.

Вокруг вновь зашумело. Комната закрутилась веретеном.

– Да, – тихо сказала Ингрид. – Но я не знаю...

Врач встала:

– Обдумайте все. И попозже давайте вернемся к этому разговору.

Вот и знакомая палата. Сестра Лена уже все приготовила. На кровати лежали рубаха и бесформенные больничные штаны из полинявшего голубоватого трикотажа. Ингрид помогла Титусу переодеться. Палату он делил с человеком намного старше себя, который никогда не отвечал на приветствия, только смотрел блеклыми глазами. Большую часть времени в палате находилась и его жена, пухлая женщина в сером вязаном жилете поверх мешковатого платья. На голове обязательная шляпка – обычное дело для старушек, уходящее поколение. Чаще всего они встречались с ней в комнате с телевизором, где стоял столик с минералкой, печеньем и ящичком для пожертвований.

Две медсестры отгородили кровать Титуса на время процедур. Поставили капельницу. Ингрид решила выйти, момент подходящий. Хотя и боялась случайной встречи с доктором Стенстрём – вдруг та потребует ответа.

Женщина в шляпке сидела за столом, помешивала кофе в пластиковой чашке. По кругу, по кругу, жидкость крутится все быстрее и быстрее...

– Он теперь совсем как ребенок, – заговорила женщина. – Никого не слушает, говорит что в голову взбрет. Наверное, я уже не смогу его домой забрать, никогда.

– Это печально.

Женщина обернулась. Уголки рта дергались.

– Мне с ним не управиться. Он тяжелый. Вставать сам не может. Стирка дважды в день. А мне ведь самой скоро восемьдесят два.

– Разве больница не предоставляет помощь на дому?

– Помощь... Да никто ведь не знает, как помогать. Приходят какие-то чужие люди, лезут не в свое дело. И вечно меняются, одна баба даже постоянно ребенка с собой таскала... Сидит на полу и сопلي пускает... У Эрнста очень хрупкое здоровье, он же инфекцию запросто подхватит, должна же понимать, что детская зараза с их соплями и прочим... Да и вообще, таскать ребенка в дом к тяжелобольному... Я тогда позвонила, пожаловалась, а они только и сказали, что «ладно, мы обсудим поведение нашей сотрудницы». Ну, и я от так называемой помощи отказалась.

– Сочувств...

– Я понимаю, куда вы клоните, – перебила женщина. – Память у него все хуже, иной раз смотрит на меня, будто впервые видит. Я спрашиваю: «Не узнаешь?» – а он молчок. Я уж и забыла, когда мы с ним толком разговаривали. Мы ведь с ним одни в целом мире. У меня больше никого, только он. Да еще врачи...

Ингрид хотелось, чтобы женщина замолчала.

– У него болезнь Альцгеймера? – услышала она собственный голос.

– Что? – Женщина вздрогнула – видимо, привыкла к монологам.

– Я о вашем муже. Ведь у него болезнь Альцгеймера?

– Не знаю. Ничего я не знаю...

Ингрид встала.

– Сочувствую, – повторила она.

Медсестры закончили обихаживать Титуса. Он лежал, закрыв глаза. Такой бледный. Лицо чуточку расслабилось. Ингрид передвинула стул к кровати, взяла Титуса за руку. Почувствовала жар.

– У тебя температура?

Он беспокойно заерзал, повел шеей.

– Наверное...

– Хочешь воды или еще чего-нибудь?

– Воды.

Она налила минералки в стакан, сунула соломинку, поднесла к его губам. Вдруг захотелось вина. Дома вечером откупорит бутылку шардоне, стоящую в холодильнике. Собирались выпить вдвоем. Она даже купила паштет из морепродуктов и сыр бри.

Телефон, лежавший на тумбочке, приглушенно заурчал. Титус жестом попросил ответить. Звонила Йеннифер, старшая из двух его взрослых дочерей.

– Папа там? – коротко спросила она.

«А ты как думаешь? – едва не ответила Ингрид. – Считаешь, я бы стала сидеть здесь и разговаривать с тобой, если бы твоего отца рядом не было?»

Вслух произнесла:

– Да, мы в больнице, приехали с час назад.

– Я звонила ему, мобильный не отвечал.

– У него были процедуры.

– Хочу с ним поговорить.

– Сейчас узнаю. – Протянула телефонную трубку: – Йеннифер.

Титус потянулся к мобильному, она вложила трубку в его пальцы. Голос дочери слышно, но слов не разобрать.

– Что есть, то есть, – произнес Титус. – Нет. Вряд ли. Постарайся понять. Я не могу говорить долго. Поболтай с Ингрид.

Она вновь взяла трубку.

– Я приеду, – сообщила Йеннифер.

– Он очень устал.

– Вы там надолго?

– Посижу еще.

– Так можно в любое время для посещений?

– Приезжай завтра. Вместе с Юлией.

Йеннифер дала отбой, не попрощавшись. С ней трудно, вот с Юлией легче ладить. А старшая дочь Титуса всегда относилась к Ингрид предвзято, не скрывала неприязни. Будто это Ингрид во всем виновата. Будто Ингрид отнимает у них отца. Хотя ради Ингрид он бросил не их мать, а Розу.

Титус так и лежал с закрытыми глазами. Может, уснул. Над кроватью нависал прозрачный пузырь капельницы. Здесь Титусу ничто не грозит. Ингрид наклонилась и поцеловала его твердый широкий лоб.

– Езжай домой, – прошептал он.

– Ты уверен, что справишься?

– Да.

– Хорошо, тогда я поеду.

– Ладно.

– Позвони, как только хоть что-то понадобится. И я приеду, ты ведь знаешь.

Не ответил, лишь странно всхрипнул.

Ингрид отодвинула занавеску, надела пальто. Новое, узкое и черное, с воротником из искусственного меха. Титусу оно понравилось. Он вызвался тогда на роль стилиста; дело было осенью, в прошлом году, в одном бутике в Дандерюде. Титус сам нашел бутик по рекламному объявлению в газете «Свенска дагбладет». Сказал, ей нужно развеяться. Она тогда только что закрыла свой книжный магазин, и самооценка у нее болталась в районе нулевой отметки.

На выходе в коридор Ингрид столкнулась в дверях с женщиной в шляпке. Та несла поднос с двумя чашками кофе и тарелку с пирожными. Кивнула ей:

– До свидания.

Долго шла по коридору с поблескивающим полом. Двери палат открыты, видны разобранные постели, прикроватные лампы. На табло под потолком сверкали какие-то цифры, манили. «Прочь, – подумала Ингрид. – Прочь отсюда, пока я не задохнулась».

Когда проходила мимо поста медсестер, в коридор вышла сестра Лена. Лицо усталое.

– Заснул, – сообщила Ингрид.

– Да. Мы поставили ему капельницу со снотворным. Завтра почувствует себя лучше.

– Правда?

– Да. Как правило, так и случается.

– Я домой.

– Конечно. Вам тоже нужно поспать. До завтра.

Роза

Понедельник. Ее день рождения. День рождения. Звучит старомодно, но она ведь и есть старуха. Хотя жизнь еще не закончилась.

Отправилась на прогулку. Как во всякое утро – сразу после рассвета. Выбрала тропу, где гуляла с Акелой, и ей казалось, будто собака жива, неуклюже бежит следом, обнюхивает ветки, тычется носом в муравейники, делает стойку на след лисы.

Акела вечно собирал клещей, до огромных волдырей дело доходило. Каждый вечер Роза осматривала густой коричнево-белый подшерсток, выискивала паразитов и в ярости спускала их в унитаз. Мерзкие, никчемные существа, сплошные болезни и беды от них. Большинство животных занимают свое место в пищевой цепочке. Но кто станет питаться клещами?

Похолодало. Может, вернуться в дом, надеть под куртку свитер? Накинула капюшон. Ниже по склону холма у воды ярко синеют печеночницы. Выросли вровень с уровнем снега, наклонишься – и на тебя смотрят юные бутончики. Лохматые, будто подернуты пушком.

Печеночницы окружали старую березу. Кора грубая, потрескавшаяся, почва у корней рыхлая и мягкая. Здесь она и похоронила Акелу.

Углубилась в заросли, высматривая кровавый след за зайцем или горошины помета. Нет. Ничего. Спустилась к воде и дальше берегом – к пирсу. Там соорудили верфь для небольших судов. Сейчас верфь и лодки под брезентом безжизненны. Пройдет несколько недель, прежде чем ткань снимут и пирс оживет. «Посетители несут личную ответственность за посещение территории верфи без разрешения», – предостерегала надпись нарушителей права на частную собственность. Теперь несколько шагов вверх по склону, слева осталась бьернсундская «Вала» – черно-белая, с резкими углами, яхта. Судно определенно пора заново покрасить. Краска свисала лохмотьями.

Роза перебралась через ограждение у берега, там, где стояли суда, ждущие утилизации. Прямо перед ней лежала круглобрюхая шхуна под названием «Туллия», название вполне разборчиво, хотя буквы и стерты местами. Кусок пластика отходит в сторону, за маленькими круглыми иллюминаторами – шторы. Жить на яхте... Поселиться на судне навсегда... Какое-то время она там действительно пожила. После крушения личной жизни ее будто закружило в пустоте – кочевала по знакомым и друзьям. На непродолжительное время поселилась у Франки Исакесон, авторши из издательства Титуса. Вдумчивая жизнерадостная Франка обитала на старой барже, стоявшей на приколе у Шеппсхольма. Она предложила Розе переехать на постоянно и платить часть аренды, но та отказалась: слишком тесно, будто в коконе. В ту пору ее изводила тревога. Бессонными ночами казалось, что ее засасывает в черные воды под днище яхты. Не могла отделаться от мысли, что от дна, от водорослей, тины и грязи ее отделяет лишь тонкая перегородка днища.

Франка баловала гостью, угощала крепким чаем, сдобренным какими-то каплями из загадочных стеклянных бутылочек, называя их «спасательными каплями». Случившееся ее потрясло. Демонстративно изорвала в клочья только что подписанный с Титусом контракт, провозгласив:

– Найду другого издателя! Я уже начала переговоры, черта с два он теперь меня увидит! Чтобы неповадно было.

Но, в конце концов, издателя она не поменяла. Титус пустил в ход все свое обаяние, все очарование своего интеллекта. И появился новый договор – вероятно, на более выгодных условиях. Книга вышла на следующий год и принесла Франке Исакссон настоящий успех. Как же она называлась? Что-то про песок и яблоки. Недавно по телевидению показывали интервью с писательницей. Роза включила телевизор совершенно случайно. Казалось, у Франки все хорошо. Голос ее звучал уверенно, энергично. Когда Роза съехала от нее, они потеряли связь. Так же получилось и с большинством старых друзей. Сама виновата (если, конечно, уместно искать виноватых). Ведь это был ее выбор.

Обломила молоденький побег деревца, хлестнула им по голенищу раз, другой. Воздух разрезал свист. Сделала несколько глубоких вдохов, на миг замерла. В глазах потемнело, будто подступал обморок. Через несколько секунд отпустило.

Свернула к первому островку, где жили аисты. Туда вел обветшалый деревянный мостик. У мостика земля обрывалась подобием кратера. Кто-то из управы привез к обрыву деревянный конус, поставил вместо предупреждения, повязал оранжевые ленты. Роза постояла, разглядывая огороженную яму, швырнула туда прутик. Наверное, кто-то прогуливался, упал и переломал себе ноги. А дальше возмущенные заголовки в местной газете. Газетчики обожают расписывать ужасы бытия простого человека. «Густав, семидесяти трех лет, серьезно пострадал во время утренней прогулки» – и портреты людей, которые обыкновенно прохаживались этим маршрутом, с краткими возмущенными подписями: «Случившееся было неизбежно. Неужели нужны жертвы, чтобы приняли меры?»

Хольмен... Странное все-таки название. Место часто называют «Пивохольмен» – как светлое пиво, что подавалось, когда здесь была танцплощадка. Давным-давно уже. Роза где-то вычитала, что танцплощадку победили члены общества трезвости. Она прошла дальше, к остаткам каменной дорожки и фундамента. Попыталась представить прошлое. Божественно прекрасное место: танцующие под аккордеон пары, освещенные заходящим солнцем, приличные молодые люди, опьяненные лишь красотой природы. Она зашагала по дорожке через остров. Как обычно, остановилась у дальней его конечности, у кромки фарватера. Мельком заметила бобра: блестящая голова внезапно вынырнула над водой. На берегу дул слабый ветер, набегали волны.

Развернулась и пошла обратно к мосту. Бывало, изредка кто-то попадался на пути. Иногда встречала женщину с цвергшнауцером на длинном поводке. Иногда – человека с пуделем. Порой – двух старичков с тросточками. Они всегда церемонно приветствовали ее. Но сегодня она чуть припозднилась.

У заброшенного овечьего загона припаркован автомобиль. Хэтчбек, марку не рассмотрела. Некоторые владельцы собак привыкли выгуливать псов здесь. Можно отпустить собаку, чтобы побегала в загоне, а самому сидеть в машине. Ага, вот и овчарка, кругами носится по выпасу. Хозяин, человек лет сорока, сидит в машине, окна-двери закрыты, лицо нервное. На голове вязаный колпак, закрывает пол-лица. Человек прихлебывал кофе из картонного стаканчика с крышечкой. Вот у него мобильный зазвонил: пронзительная, резкая мелодия отчетливо доносилась сквозь стекла и шум ветра. Роза прислушалась. Похоже, о чем-то спрашивают. Мужчина отвечал кратко, неохотно. Внезапно стекло опустилось, и на землю полетел стаканчик из-под кофе. Розу окатило яростью, закружилась голова. Не отдавая себе отчета в том, что делает, она ринулась к

автомобилю и что есть силы пнула переднее колесо.

– Что вы творите?! – выкрикнула она.

Человек с недоумением воззрился на нее.

– Почему вы расшвыриваете мусор?! А кто должен собирать его, по-вашему? Вам что здесь, свалка?!

«Алло, – бормотал мобильник. – Алло, алло!»

– Я перезвоню, – сказал мужчина и открыл дверцу машины. Немецкая овчарка подошла к ограде. Напряглась, замерла. Мужчина выбрался из автомобиля.

– А вам-то, мать вашу, какое дело? – с угрозой спросил он.

Она почувствовала, как в горле запершило, руки затряслись.

– Я живу здесь!

Глазки у него были маленькие, блестящие. Лицо скривилось.

– Понял, ты, мудака?!

И откуда только смелость взялась? Размышляя об этом впоследствии, она так и не поняла. Наклонилась, подхватила бумажный стаканчик и метнула прямо в окно автомобиля. Крышка стаканчика сбилась, выплеснулся кофе, обрызгав мужчину.

– Ах ты... сука!

– Сам ты сука! Забирай свой поганый мусор и у себя дома расшвыривай. И убирайся отсюда!

Мужчина шагнул к ней. Рослый, тощий, со впалыми щеками. Снял шапку и принялся вытирать капли кофе.

– Вы испачкали мой пиджак.

– Сам виноват!

– Вы его испачкали и теперь, черт подери, обязаны компенсировать расходы на химчистку!

– Еще чего! Никакой химчистки я тебе оплачивать не собираюсь!
Компенсировать... – Она даже фыркнула.

– Психованная, – проворчал мужчина. – На всю голову больная! Психопатка!

– Да ты сам такой! – Будто вернулась в детство с его простыми, бесхитростными перепалками.

За спиной взлаяла собака.

– Вот-вот, – посоветовала овчарке Роза, – присматривай за своим хозяином.

Человек подошел к воротам, подозвал овчарку. На долю секунды в голову пришла мысль, что он спустит на нее пса. Вместо этого он открыл багажник, и овчарка запрыгнула в машину.

– Ты, гребаная пересохшая дура, – выругался он и сплюнул на землю ей под ноги. – Старая карга. Уродка. Еще пожалеешь, что так расхрабрилась.

– Ты о чем?

Он не ответил: вскочил за руль и завел машину.

– Ты что, угрожаешь мне?! – завопила она.

Вновь забренчал мобильник. Незнакомец схватил трубку и прокричал:

– Да!

Роза ушла. Развернулась и ушла. Сил больше не было. Через несколько шагов накатил страх. Вспомнила, что случилось в Стокгольме несколько лет тому назад. Один так же отругал двух молодых парней – те мочились у подъезда. Парни рассвирепели и забили беднягу до смерти.

А этот мужик... Запомнил он ее? Сумеет ли выследить? Она обернулась и увидела удаляющийся автомобиль. Красный хэтчбек. Пожалуй, нужно запомнить регистрационный номер...

Ингрид

Спустившись в просторный вестибюль, она решила вызвать такси. Разумеется, правильнее было бы поехать на автобусе, но сейчас одна мысль об автобусе казалась невыносимой. Хотелось побыстрее очутиться дома. Обычно за больничными воротами дожидалась целая стая такси, но сейчас ни одной машины. Придется вызывать. Она принялась копаться в сумке, выискивая мобильный, и тут кто-то тронул ее за локоть.

– Надо же, Ингрид, дорогая! Так и знал, что мы еще встретимся!

Никсон, директор по маркетингу в издательстве «Карлбакс». Настоящее его имя, конечно, не Никсон, но сходство с бывшим американским президентом поразительное. Ингрид от него тошнило. Не из-за внешности, а из-за манеры вечно распускать сплетни. Когда-то он держал книжный магазин и навещался к ним за новинками. В те годы Ингрид на себе испытала его настойчивость. Прикидываясь лучшим другом всех и вся, Никсон просто фонтанировал сплетнями, якобы новостями из жизни друзей делился.

– Привет, – безучастно произнесла она.

– Ингрид Андерссон Бруи! Что ты здесь делаешь? Стильное пальто, кстати.

Хотя он и знал, что ее фамилия вовсе не Бруи, но упорно именовал ее только так. Она и не спорила: себе дороже.

– Я...

– Что-то с Титусом?

Она кивнула.

– Надо же! Так не повезло... Как у него дела, по-прежнему в больнице?

– Да.

– Вот черт. И как он?

– Так себе.

Никсон покачал головой. Прижал Ингрид к себе, обнял.

– Что за могучий человечище! Столько сделал, сам всего добился, просто гений. Блестящий издатель. Помню, как он начинал свой бизнес с крошечного издательства... «Бладгюлд»... и как же потом издательство разрослось! А знаешь, мне всегда Титус был симпатичен. Но кому бы он смог не понравиться, кому?

– А ты сам как? – попыталась сменить тему Ингрид. – Какими судьбами здесь?

– Бабулю навещал. Ей ампутировали ногу. Гангрена.

– Ох...

– Вот-вот. Заядлая курильщица... понимаешь? Но ты думаешь, она решила бросить? Как бы не так! Лежит сейчас там, наверху, мучается. Не из-за ноги, а без курева. – Никсон рассмеялся. – Я тут купил для нее жвачку с никотином, а она заявляет: толку от твоей жвачки. Вот уж точно не было печали, так... Ты домой?

– Да.

– По-прежнему живешь на Тулегатан?

И откуда только он знает?

– Да.

– Могу подвезти. У меня тут машина рядом.

– Не стоит беспокоиться. Я возьму такси. Или автобусом поеду, остановка рядом.

– И речи быть не может! Я тебя подвезу.

У него был корпоративный автомобиль, серебристо-серый «вольво». Двери украшала надпись «Карлбакс» и интернет-адрес: www.karlback.se (<http://www.karlback.se/>). Салон пропах искусственным цветочным ароматом. Никсон пояснил: днем подвозил дочь-подростка.

– Фриду?

Никсон глянул благодарно:

– Ты ее помнишь.

– Ну, это было так давно... еще до того, как я оставила бизнес.

– А, так ты совсем отошла от дел? Или нет? В любом случае, на месте твоего магазина безликий сетевой, ему твоих высот не достичь никогда.

– Тоже мне высоты, – она усмехнулась.

Минуло больше полугода с тех пор, как «Академкнига» запустила когти в ее магазинчик, расположенный в Старом городе. Такова была часть новой сетевой стратегии: побольше так называемых «магазинов шаговой доступности», мелких точек. За свой магазин Ингрид боролась до последнего. Несмотря на множество клиентов с транспарантами, несмотря на вечера поддержки, пришлось отступить. Все меньше и меньше частных магазинов сохраняют шансы на

выживание. Угроза исходила из многих источников, не только от торговых сетей или универмагов. Главную опасность представляли интернет-магазины. Казалось, люди предпочитают теперь сидеть у своих компьютеров и заказывать книги с доставкой на дом. Так что ей даже повезло, что согласилась на сделку и избежала банкротства.

Никсон завел автомобиль и ловко выехал с парковки.

– А ты потом там бывала, видела, что там происходит?

– Ты о чем?

– В Старом городе. Что стало с магазином?

– Я туда не заглядываю.

– Понимаю. Сейчас на том самом месте красуется их логотип. Да еще и слоган... «Интер-Нет Книжным Магазином»... Выдумщики, а? Это уже слишком. Они определенно перешли все границы. Я никогда не забуду твои витрины, Ингрид.

Она промолчала, подумав: «Проклятый подхалим».

– Кстати, это странно, что они решили инвестировать в мелкие магазины. Такая идея никогда не окупится, уж начальство-то должно понимать...

Ингрид пожала плечами:

– Ну, это еще бабушка надвое сказала...

– А ведь действительно, – рассмеялся Никсон. – Боюсь, о моя прекрасная спутница, нам надлежит миновать весьма опасный район. Я поведу машину мимо Шеппсбру, а ты закрой глаза.

– Не смейся. Там не настолько страшно.

На мгновение Никсон замолчал. Затих, барабаня указательным пальцем по баранке.

– А как теперь обстоят дела в издательстве?

– О чем ты?

– Ну, Титус болен...

– И что? Он ведь не один там работает. Анние Берг...

– Точно, она ведь семнадцать лет проработала, стала партнером.

– Да.

– Ты представляешь, этот дурень Курт Людинг взял и вместе со всем своим издательством сорвался с места, в Люлео. А ведь издательство у Людинга немаленькое. И дела у них шли великолепно. И вот так переехали. С тех пор прошло десять лет; сегодня, можно сказать, годовщина... Помню, в том году я встретил Анние на книжной ярмарке в Гетеборге. Она сидела за стойкой скай-бара в «Готии». Дела ее у Людинга идут неплохо. Я немного порасспрашивал ее о планах на будущее, она призналась, что собирается перейти на фриланс, но вряд ли Анние одна строит такие планы. Ей лапландский ад осточертел до тошноты. Сказала, очень тяжело. А теперь она совладелец в издательстве Вруна. Вот умница!

– Ага.

– Вскоре издательство Людинга упокоится вечным сном. Невозможно просто так взять засесть в палатке в лапландской тундре и раздавать книги.

– Разумеется, невозможно, – согласилась Ингрид.

– Бедняжка Анние тогда совсем сдала. Сидела там с пивом на верхних этажах небоскреба. А еще она очень тосковала по сотруднице. Как же ее звали, пропавшую... Верит, кажется? Работала у Людинга, а потом исчезла...[2 - История из романа Нигер Фриманссон «Доброй ночи, любовь моя», вышедшего

на русском языке в издательстве «Фантом Пресс» (2011).]

Они добрались до Шеппсбру. Ингрид отвернулась от зданий и рассматривала воду. Наверху Шеппсхольма зазеленела растительность. На набережной индус в европейском костюме фотографировал двух индианок в цветастых сари. Поставил их у памятника Густаву Третьему, жестикулировал, командовал.

– Да, – подтвердила Ингрид, – Верит Асарсон.

– Ее в конце концов нашли. Вернее, то небольшое, что от нее осталось, если так можно сказать. Шесть лет прошло, подумать только! И откуда такая неосторожность? Зачем-то вышла на тонкий лед. Ну, хоть родные смогли наконец-то ее похоронить. Важно, чтобы была могила, куда можно прийти. – Внезапно Никсон осекся: – Кстати, как тебе в Васастаде?

– Просто замечательно.

– А какие планы на будущее? Тебе же еще десять лет до пенсии.

– Не считала, – ответила Ингрид равнодушно.

– Ты могла бы и дальше работать в книжном магазине. Разве не замечательно уйти от бремени экономических рисков и устроиться на постоянную работу по найму? Я слышал, у Хеденгрена дела пошли в гору, он сейчас набирает сотрудников. Я охотно замолвлю за тебя словечко, если хочешь.

– Спасибо, – ответила Ингрид, – но я пока не представляю, что будет дальше.

Роза

Сперва собиралась вернуться домой, но затем передумала и продолжила путь в сторону Слотсхольма, или, как еще называли это место, к холму Рагнхильды. Ничто не выведет ее из себя, не заставит изменить обычный распорядок. Во рту пересохло, одышка, внутри все дрожит... Запоздалая реакция. Зря она, наверное, ввязалась. Но ведь если все станут молчать, что тогда? «Успокойся, –

велела она себе, – ты поступила правильно и знаешь это».

И все же собственная вспышка ярости немного испугала. Совсем на нее не похоже. Она умела себя контролировать, всегда.

Справа располагался небольшой яхтенный пирс. На некоторых яхтах люди жили круглый год. Никого не видно, лишь две трубы дымятся. И что, разве вмешался бы кто-нибудь, если бы этот человек на нее набросился? Кто-нибудь вообще отреагировал бы хоть как-то?

Роза заметила, что дрожит.

«Ты молодец! – подбодрила она себя. – Жаль только, что никто твоего подвига не оценил. Выдающийся пример гражданского мужества».

На вершине Слотсхольма виднелись развалины средневекового замка, где некогда жил фогт. Руины сохранились неплохо, можно даже разобрать отдельные комнаты. На памятном камне излагалась краткая история. Замок построили в четырнадцатом веке, дабы управлять стратегически важным Тэльеледом, но несколько десятилетий спустя строение сожгли по приказу Энгельбрехта. Ныне над развалинами кишело воронье: крупные темно-серые птицы с гомоном взмывали над раскидистыми березами и с карканьем носились в небе.

Она частенько мечтала о путешествиях в прошлое, представляла, как здесь было прежде. Вот бы постоять никем не замеченной, наблюдая за средневековым житьем-бытьем... Она дошла до мыса, земляным языком лижущего воду. Однажды они с Титусом проплывали мимо на моторном катере бывшего друга. Но она и подумать не могла, что будет здесь жить...

Роза вдруг разрыдалась – в голос, неудержимо. Откинула голову, всматриваясь в режущий холодом воздух. По щекам катились слезы, она сглатывала рыдания, моргала. Топнула сапогом, не чувствуя боли.

«Взяла и сама себя наказала! А теперь стой здесь и сиси, как...»

Да, виной тому, наверное, стычка с человеком в автомобиле. Но, с другой стороны, есть и иная, потаенная причина. Срыв – так она называла это. Думала, что все уже позади. Все зажило. Долго убеждала себя, что жизнь получила новое измерение, что бытие ее обрело новый смысл. Теперь наконец-то сможет распоряжаться собственным временем, сможет делать что хочет. Не нужно ходить вокруг да около, не нужно ходить на цыпочках и на поводу ни у кого не нужно ходить. И Акела... у нее не было бы тогда Акелы, с Титусом собаки не ладили.

– Не были мы счастливы! – крикнула она небу. – Не были, запомни!

Подняла камень, стиснула в ладони, согревая. И швырнула в воду – далеко, насколько хватило силы. Сдернула капюшон, ветер взметнул волосы. Она больше не мерзла, ей было тепло, даже взмокла чуть-чуть.

– Только иногда, – глухо сказала она, и ветер подхватил ее слова, сорвал с губ. – Редко, редко-редко. Сволочь, ненавижу тебя!

Ругательства выплескивались из нее вместе со слезами. Брань и сопли. Все это было так стыдно. Так жалко, черт...

Порылась в кармане в поисках носового платка. Забеспокоилась, что кто-то мог ее услышать. Дама с цвергшнауцером, например. Но рядом никого, она одна.

Обратно шла через поле. Солнце высвечивало редкие молоденькие побеги, пробивавшиеся сквозь прошлогоднюю жухлую траву. Старая трава лежала линялым плешивым ковром, и казалось невероятным, что здесь снова может быть жизнь.

Вдруг вспомнился Ассам из Малайзии, автор одного бестселлера. Титусу на Франкфуртской ярмарке удалось отхватить права на издание шведского перевода. И Ассам приехал на встречу. Дело было в феврале, где-то в конце девяностых. Он разглядывал голые деревья, и на его темном лице все сильнее проступал испуг.

– Мертвые, – сказал он наконец, – такое страшное горе для вашей земли! Все тут мертво.

Титусу с трудом удалось сохранить серьезность.

Книга Ассама стала бестселлером и в Швеции. Сразу несколько книжных клубов назвали ее лучшей книгой года, обсуждали на радио и телевидении. Четыре крупнейшие газеты взяли у автора большие интервью, а его фото появились в воскресных выпусках. Как же называлась книга? Забыла. Память подводит все чаще. А ведь она всегда гордилась своей отличной памятью. Определенно стареет. Должно быть, бабушкины гены – та впала в маразм, едва ей исполнилось шестьдесят. «Что ж, десять лет у меня в запасе еще есть», – мрачно подумала она. Десять лет, которые надо прожить с чувством и толком. Радуюсь.

У Титуса был нюх на бестселлеры. Издательство стремительно развивалось. Сперва они располагались на Кунгсхольме, в цоколе промышленной восьмиэтажки. Но когда Титус развернул активную деятельность, перебрались на шоссе Свеавэг, по соседству с издательствами «Боннере» и «Карлбакс». Затем он переманил к себе Анние Берг из издательства Людинга, сделал управляющим партнером. Именно Анние сумела отыскать для издательства золотого тельца, Сисси Нурд, гламурную авторшу чиклита, книги которой разлетались как горячие пирожки. Задолго до того, как чиклит массово вошел в моду. Последняя книга Нурд, «Бог тому свидетель», продержалась на вершине списка бестселлеров восемь недель. Тогда-то Роза и оборвала отношения: не хотелось иметь больше ничего общего ни с издательством, ни с его основателем.

Ингрид

Никсон определенно намеревался проследовать за ней наверх и во всех подробностях осмотреть квартиру. А затем растрепать всем коллегам про то, как они с Титусом живут. Ингрид сослалась на усталость. Поблагодарила за то, что подвез, сказала, что хочет прилечь.

– В любом случае, обдумай вариант с Хеденгреном, – сказал Никсон. – И поосторожней там!

– И ты тоже.

– До свидания. – Взмах руки, на пальце блеснула печатка.

– Пока, козел, – сказала она едва слышно и просияла улыбкой – чтобы Никсон ничего не заподозрил.

В квартире стояла духота. Просторная квартира, в доме конца девятнадцатого века. Они приобрели ее на паях с Титусом вскоре после женитьбы, пять лет тому назад. В нескольких комнатах – каминные с изразцами. Каминные, разумеется, бездействовали, но изразцы были прекрасны и неизменно привлекали внимание гостей. Особенно красива изразцовая печь в спальне – белая, со встроенным зеркалом в золоченой раме. В доме атмосфера декаданса: лепнина, высокие потолки... Обошлась квартира в пять миллионов. Ингрид продала свою трешку на Рингвеге и, а Титус – виллу. Сложили вырученные деньги. Вышло даже больше, чем нужно. Остались деньги на свадебное путешествие. В Коста-Рику. Титус всегда мечтал там побывать.

– Там нет армии. Совсем. Представляешь, на что похожа страна, полностью свободная от военщины!

– Пожалуй, это зрелище сразит нас наповал, – рассмеялась она.

Титус тоже рассмеялся. Тогда они постоянно шутили.

Он подбил ее на приключение: усадил с другими туристами в резиновую лодку – желтые спасательные жилеты, шлемы на головах.

– Видишь ту реку? Это Рио-Пакуаре. Она вынесет нас к лагуне. А там можно и передохнуть. Ты когда-нибудь бывала в настоящей лагуне, любимая? Бывала?

Он говорил с таким энтузиазмом, так жизнерадостно... Хотел подарить ей новые ощущения. А она была неопытной слабачкой.

На корме сидел мускулистый юнец и покрикивал на гребцов. Лодка буквально перепрыгивала через пороги. Ингрид почти сразу же сбилась с ритма, ноги вылетели из специальных углублений в резиновом днище. А Титус лишь смеялся. Титус... Титан...

Потом они купили фотографии, сделанные каким-то смельчаком с другого плота. Ингрид на фото зажмурилась, губы стиснуты в линию. Титус вставил снимок в рамку. Фотография висела на стене в комнате, отведенной под кабинет...

Она переоделась в старые джинсы и футболку, достала пылесос и приступила к уборке. Рев пылесоса всегда ее успокаивал – что не переставало удивлять Титуса. Он бы предпочел современный, бесшумный. Чистоту он любил, в отличие от уборки. Они постоянно ссорились из-за этого. «Классическая ситуация, – подумала Ингрид. – Но все-таки мы взрослые люди, самостоятельные, и на шее у нас никто не сидит».

Конечно, для двоих квартира слишком просторна, несмотря на частые деловые обеды и приемы. Ингрид довольствовалась бы жильем поскромнее, но Титус уперся. Одну из двух гостевых комнат обставил для своих дочерей, что оказалось абсолютно лишним: вряд ли хоть одна из них когда-нибудь останется переночевать на Тулегатан. Они и днем-то здесь не бывали.

Сорвав с водяного матраса простыни, Ингрид вымыла матрас жидкостью для чистки пластика. Тщательно пропылесосила складки, залила внутрь средство от плесени. Когда приоткрыла крохотный клапан, пахнуло тиной. Пожалуй, плесень все-таки возьмет свое. Хотя матрас требовал постоянного ухода, Ингрид и Титус наслаждались укачивающим теплом, окутывавшим их, стоило лечь на кровать. Постель колыхалась, баюкала... Вот заниматься любовью было непросто. Но они научились подхватывать ритм воды.

Спальня ей нравилась больше всего. Тут был балкончик, на котором они никогда не сидели (слишком уж на виду), но как приятно было лежать, открыв на улицу дверь и слушая городской шум...

Ингрид протирала тумбочку Титуса, когда из горла ее вдруг вырвался крик, сдавленный, хриплый. Будто ей самой перерезали глотку, будто внутри что-то разорвалось. Ингрид осела в груды постельного белья, зарылась с головой, точно в гнездо спряталась. Тело Титуса, его тепло – как же она будет без него, как же ей жить теперь? Прижала простыню ко рту, но яростный крик все же просочился:

– Чертов идиот!

Не Титуса она имела в виду, нет. Никсона. Этого придурка, вечно шпионящего за всеми. И зачем только она позволила ему подвезти себя до дома? Теперь ясно, что будет дальше. Теперь на весь свет разрезвонит, как плохи дела у Титуса Бруна: «Видел я его бабу в больнице, полная развалина». Вот так и скажет обязательно: «ба-бу». Вспомнилось, как Никсон появлялся в ее магазине, как волок за собой тяжелые сумки. Как совал повсюду свой нос. Вынюхивал. Разложит образцы на столике в задней комнате: обложки книг, рекламные экземпляры – все то, что в отрасли называют «сказки-рассказки»:

– Вот это, Ингрид, безусловный фаворит. Взгляни: лауреат Королевской литературной премии. Готов поставить на автора. Ну, так что, по рукам? Как насчет пяти сотен? А может, ты уже с кем-то еще сторговалась? – И зыркнет из-под зарослей бровей. – А может, ты имеешь дело лишь с одним издательством, а? Душой и телом, хе-хе. У каждого свои фавориты, уж я-то знаю.

Он даже в туалет заглядывал. Интересно, что надеялся там обнаружить? А ведь мог бы. Порой они с Титусом забывали об осторожности. Случалось, прямо в туалете устраивались, бросив покупателей в зале. Она представила, как клиенты толпятся у кассы, листают книги, ждут... Женщины в пуховиках, мужчины... Возможно, в зале слышали эти вскрики экстаза, хотя она и закусывала губы, пытаясь сдержаться. Сидела на умывальнике – просто чудо, что он не развалился под ними. Титус стискивал ее бедра, прорастал в нее, проталкивался, нанизывал на себя, и мозг ее начинал пульсировать, пока не взрывался...

Когда же она впервые взглянула на Титуса? Так взглянула. «Бладгюлд» организовало для книготорговцев осенний съезд. Тогда издательство еще носило свое изначальное название и располагалось на Индустриальгатан. Там был внутренний дворик, где и собирались все устроить, но помешал дождь.

Светлый летний костюм, рубашка с короткими рукавами. Каким загорелым он был! Глядя на морщины на его шее, Ингрид испытала вдруг желание прикоснуться к ним, погладить...

– Здравствуйте, друзья! Добро пожаловать на открытие осеннего сезона в «Бладгюлд». Извините за тесноту. Вообще-то мы собирались провести мероприятие на свежем воздухе, но погода нам неподвластна.

Мельком посмотрел на Ингрид, отыскав взглядом в толпе представителей «Оленса». Те стояли с видом повелителей мира.

– Пожалуйста, угощайтесь вином! И всем, что найдете на столах.

Титус забрался на стул, чтобы видеть собравшихся. Подле стояла Анние Берг. В ней всегда чувствовалась некоторая тяжесть, угрюмость – особенно после того, как нашли останки ее подруги Верит Асарсон.

Затем выступали авторы, один за другим. Анние и Титус по очереди представляли их: краткие вопросы – быстрые ответы. Первым выступал парень по имени Тобиас Эльмквист, поэт. Осенью вышел его детектив. Обложка была круче некуда. Ему действительно удалось выстрелить с этой книгой, и за очень короткий срок он сделался королем детективов. Но дальше дело не пошло. Случилось что-то... вроде бы он кого-то убил по неосторожности.

После беседы с Тобиасом настала очередь Снеси Нурд, золотого тельца издательства. Титус вывел ее вперед, держа под руку. Она была одета во что-то белое, полупрозрачное. Между грудями покоилась массивная золотая цепь.

– Ты на нее запал, да? – спросила Ингрид хрипло, страстно, в любое другое время она бы устыдилась такого голоса.

Дело происходило спустя несколько вечеров. Титус зашел в книжный незадолго до закрытия. Снял очки, усадил ее на прилавок.

– Но... что вы делаете? Я не давала вам повода, не думаете же вы, будто можете вот так запросто сюда зайти и...

– Нам нужно поговорить. Полагаю, повод есть.

Но пришел он явно не для разговоров. Нужно запереть дверь... И она соскользнула на пол, закрыла дверь на замок. Он не отставал от нее ни на шаг. Руки его касались ее обтянутых джинсами бедер. Ее зад прижался к его животу. Господи, да что же это такое... Она обернулась, и ее лицо оказалось совсем рядом с его лицом... его язык, губы... И вот она уже сама расстегивает молнию

на его джинсах, он наклоняется, теряет равновесие, и они едва не валятся друг на друга, и тогда она тянет его в сторону: «Там есть диван», – тот самый диван, на котором она любит дать отдых ногам, прежде чем ехать домой, и вот они на кожаном ложе, и ее тело буквально излучает жар, она просто пылает, – может, именно это и называют страстью? После он гладит ее волосы. Она не может вздохнуть, потому что он все еще лежит на ней, навалившись всей тяжестью, но она не шевелится, просто наслаждается тяжестью мужчины, которого даже не знает.

– Что мы делаем, Титус?

– В тот вечер я увидел твои глаза... на открытии осеннего сезона... твои расширенные темные зрачки... и понял, что ты меня хочешь так же, как я хочу тебя.

О, если бы только она была сдержанней! Куда подевалось здравомыслие? Слышала же, как прозвучало это, – пошло прозвучало. Но она была будто пьяная. После целого дня магазинной суеты, когда она уже собиралась запереть дверь и ехать домой, явился незнакомец и взял ее...

Рассмеялась. Никогда она не слышала, чтобы так звучал ее смех.

– У тебя же там полно других. Снеси Нурд, например. Писательница. Ты же за всеми волочишься. Донжуан. А я...

– А ты?

– Я просто...

– Просто кто? Торговка книгами? Красивая и соблазнительная? Женщина, которую я желаю, которую вождедею. Я хотел тебя... так сильно...

Его руки. Длинные пальцы обводят груди, соски. Вниз, к животу, погружаются во влажное лоно. Скользят к крошечной мягкости, постепенно твердеющей. Она привыкла ласкать себя сама.

Теперь это делает он. И снова. Сначала она. Мужские пальцы – ищущие, умелые... А потом он погрузился в нее, набухая. Убирайся!.. Не оставляй меня!..

Они на такси поехали к ней домой. Теперь она развратная женщина? Ведь он женат, а она не такая, нет-нет-нет, ничего подобного раньше она себе не позволяла. «Мне нужно позвонить», – сказал он, выбираясь из-под груды упавших с полок книг, пока Ингрид одевалась. Она слушала его голос: «Позднее перезвоню, у меня совещание».

Жена. Ее звали Роза.

Роза Врун.

Роза

В саду росла яблоня – корявая, перекрученная, с цветными островками мха по комлю. Что это был за сорт, Роза ни малейшего понятия не имела, но дерево давало обильный урожай, яблоки были сочные и вкусные. Она готовила яблочное пюре или нарезала кружками и сушила на кухне. Крысы охотно грызли сухие ломтики.

Подходя к дому со стороны озера, Роза оглядела дерево и решила его обрезать. Еще в прошлом году собиралась, да так и не успела. Отправилась в сарай. Там было полно инструментов, Клас Шредер разрешил пользоваться всем, что понадобится. Он был в неизменном темном костюме, то и дело поглядывал на часы. Спешил. Клас всегда спешил.

– Бери все, что понадобится, Роза! – Шредер был из тех, кто обращается к людям на «ты», без церемоний. – Только верни все на место.

– Это само собой разумеется, – сказала она. Не хватало еще упреки чьи-то выслушивать.

– Там все что угодно найдется, – продолжал он, словно и не заметив ее тона. – Ты ведь знаешь, где ключ, да? Разве я не сказал? Над крайней правой балкой.

Роза молча кивала.

Наверное, хозяин рассчитывал, что, если разрешит пользоваться садовым инвентарем, Роза станет возиться с кустами и клумбами. Но он заблуждался. С его-то деньгами может и садовника нанять. Роза подумала о «БМВ», припаркованном у обочины.

Скудная, каменистая почва за коттеджем поддавалась обработке с трудом. Роза разбила грядки под картошку и зелень. Вокруг грядок насыпала тонкой дорожкой известь, чтобы отпугнуть слизней. Убийца слизней. Если, конечно, то были слизни. Но расплодилось их до черта. Роза видела, как другие люди бродят между своих грядок с ножницами или расставляют чашки с пивом. Слизни обожают пиво. Забираются в плоски и тонут. От представленной картины ее замутило.

Резкий порыв ветра. В воздухе будто снегом повеяло. Руки зябли, но лучше доделать работу прямо сейчас, иначе дерево так и не дожидется обрезки. Открыла сарай, вытащила стремянку. Видавшая виды самодельная лестница, сколоченная, должно быть, еще в ту пору, когда строили дом. Пегая, иссушенная временем древесина, кое-где перевязанная проволокой. И тяжеленная. Роза протиснула лестницу между ветвей яблони, прислонила к стволу. Затем принесла секатор и небольшую складную пилу, ни разу не использованную. Даже ценник на месте.

Ступеньки прогнили, взбираться придется осторожно. И все равно это случилось: когда она взобралась почти до самого верха, перекладина треснула, и Роза, выставив руки, беспомощно рухнула на землю. В таком возрасте уже не падают. Когда она падала в последний раз? А вот дети падают постоянно. И плачут ежедневно. Но чтобы взрослые...

Посидела, слегка ошарашенная. Одна нога нещадно ныла. Брюки продраны, защитного цвета материя распорота. Конечно, можно зашить, даже незаметно будет. К счастью, похоже, ничего не сломано. Будет изрядный синяк. Но других повреждений, похоже, нет. Какое облегчение. Иначе как бы она домой доползла? Если бы, например, сломала руку или ногу. У нее только и есть, что руки да ноги. Опереться ей не на кого. А мобильник, должно быть, в кармане. Вечная безалаберность. Что бы она стала делать, если бы лежала где-нибудь без малейшей надежды добраться домой? Ведь так легко поскользнуться на льду

или споткнуться о корень дерева на горной тропе. Вот только кому она стала бы звонить? В полицию? Примчится ли патруль на зов пожилой бабы? Ведь так обозвал ее тот тип с немецкой овчаркой? Мерзкие, обидные слова, унижение для ее возраста и пола. Содрогнулась. Смахнула с себя сухие листья. «Томас, – подумала она. – Если со мной случится что-то серьезное... то как он узнает?»

Томасом звали ее сына. И сегодня у него тоже день рождения. Родила мальчика двадцать пять лет назад. Почти в этот же час, с небольшой разницей. Первые десять лет воспитывала ребенка одна, потому что отец его – случайный встречный. На одну ночь. Из Лидса, футболист. Звали его Леонард, а фамилию она и не знала. Но определенно не Коэн[3 - Леонард Коэн (р. 1934) – всемирно известный канадский поэт, писатель, певец и автор песен.].

В то время она практически боготворила Леонарда Коэна и, возможно, привлекло ее как раз имя Леонард. В остальном же – ничего общего с известным бардом и поэтом. Ее Леонард... тьфу, до чего же противно говорить о нем как о «ее Леонарде», – так вот, он был типичный английский парень, из работяг, бледный, лопоухий. Познакомились на вечеринке в Сандхамне, которую устроила ее двоюродная сестра. Роза не просто напилась, а надралась в дымину. Тот редкий случай, когда перебрала. Сняла одноместный номер в отеле. Ей было тридцать, уже несколько бурных романов за плечами, но тогда она была свободна. И одинока. Она подивилась, как здорово он танцует, – мускулистые ноги выделявали такое, будто были на шарнирах и гнулись во все стороны. Они кружили по танцполу, и парень легонько касался ее рук, – наверное, так бы касался ее и настоящий Леонард, глядя из-под полуопущенных ресниц и тихонько подпевая.

Утром, проснувшись с ним в одной постели, жесткой и узкой, пожалела о случившемся. Оделась и ушла, чтобы не видеть, как он храпит, прикрывшись краем простыни. Несколько часов бродила по острову, в висках пульсировало, а когда вернулась, он исчез. Конечно, она могла разыскать отца ребенка. После того как узнала результаты анализов. Парень ведь имел право знать, к чему привела их встреча. Но Роза не стала. А ребенка решила сохранить: она уже начинала беспокоиться, биологические часы ведь тикали, время шло...

Томас никогда не интересовался, кто его отец. Даже странно как-то. Казалось, ребенок должен припереть ее к стенке и спросить: кто же он, таинственный сэр Леонард? Но мальчик проявлял поразительнейшее безразличие. Как будто его

пугала одна лишь мысль, что и мать была когда-то молода, что раздвинула ноги и впустила в себя мужчину.

Случалось, в мальчике она видела нечто английское. Форма рта, порой будившая в ней воспоминания, большие, изогнутые губы. Из-за тощей шеи голова казалась больше, чем была. Комплекцией он пошел в нее, такой же крепкий, жилистый, вот только руки чужие – с длинными тонкими пальцами.

Томас... Где-то он теперь? Неизвестно. После их последней встречи сын отправился в странствия по Юго-Восточной Азии – почти два года назад. Зашел домой забрать кое-какие старые записи. «А он похудел», – подумала Роза. Коснулась нежного пушка над верхней губой.

– Надолго уезжаешь? – спросила она, прижав сына к себе.

Он замер, уронив руки.

– Не знаю, вообще-то...

– Ну хоть приблизительно? На месяц, на полгода? А может, всего на пару недель?

Он высвободился, отстранился, во взгляде почти угроза:

– Как получится.

– Понятно. Просто я подумала...

– Если ты о подвале, то делай с ним что угодно, хоть в аренду сдавай. Тем более там уже почти ничего не осталось из моих вещей. Только книги и всякий хлам.

Она никогда не знала, шутит сын или говорит всерьез. Не понимала его словечек.

– Сдать в аренду?

– Точно, с жильем же напряженка! А в подвале поместится целая семья беженцев. Ну, или можешь пустить их сюда, а сама перебраться вниз. Обсуди с Лаго, он в коммуне начальник и занимается такими вопросами. Рад будет до усрачки.

– Не уверена, – слабо возразила мать.

– Да ладно, я же все равно уезжаю. Так что пока, мама, и береги себя.

– Томас...

Он остановился у двери, готовый уйти. Черное пальто до пят, мешковатые штаны. Рюкзак на плече.

– Береги себя. Особенно на пляже... и все такое. Ведь там бывают... ну... такие огромные волны... Я бы никогда...

– Буду осторожен. Обещаю.

– Хочешь, я тебя подвезу? – У нее был крошечный «форд», но пользовалась она машиной нечасто. К тому же автомобильчик вечно барахлил.

– Это лишнее. Дойду пешком до станции. Люблю гулять сам по себе. Черт, я когда приехал, кстати, заметил, какие они там на берегу отгрохали дворцы. Поубивал бы этих строителей.

– Выглядит красиво, – сказала она.

– Ага, охренеть как.

– Поселок называется «Ханста-Пляж». Там построят коттеджи. Всем нужно жилье...

– Ну да, тем, у кого денег полно. Ну, так что, все?

– Нет... Просто я...

– Тогда привет. – Он открыл дверь.

– Береги себя, – повторила она. Безразличные слова, какими обмениваются едва знакомые люди, из разряда «хорошего дня». Банальность, которую они с сыном всегда презирали.

Томас улыбнулся, надел темные очки.

– Конечно, мама. И ты береги себя.

Потом накатил жалость к себе. Роза заварила чай и выпила, стоя у окна. Снег был тяжелый, поблескивал; день выдался холодный, но солнечный, свет резал глаза. Днем ее знобило, поэтому решила никуда не выходить. Как обычно, если нападала депрессия.

Затем началось ожидание. Время от времени приходили открытки. Пару раз он звонил – само собой, за счет абонента.

Сын взял с собой гитару, акустическую, подарок Титуса, сохранившуюся со студенческих времен. Скучные деньги, необходимые на жизнь, Томас зарабатывал, играя на улицах и площадях. В Таиланде сын работал у одного шведа, державшего ресторан, подрабатывал официантом и музыкантом на острове Ко-Ланта, в шведском гестхаусе. Когда Роза узнала об этом, то нашла в Интернете фотографии пляжей с ныряющими белобрысыми ребятами.

– Когда ты приедешь домой? – спросила она в их последний разговор. Томас ответил, что спешить ему незачем. Ей хотелось сказать, как она тоскует, как скучает по нему. И вдруг засомневалась, а так ли это.

Она встала, распрямилась. Хорошо, что всегда следила за собой. Когда жила в Бромма, регулярно наведывалась в тренажерный зал. Невысокая, метр шестьдесят, но жилистая, жесткая, как можжевельный корень. Сильная. Когда они с Титусом устраивали шуточный армрестлинг, она нередко брала верх. А если проигрывала, то обычно нарочно, поддавалась...

Прислонилась к дереву, пушистый мох забился под ногти. Да уж. Лучшие дни для лестницы давно позади. Порубить в щепу и пустить на растопку. Класу Шредеру придется купить новую.

Прихрамывая, заковыляла в дом и сварила кофе. Сняла длинные штаны, посмотрела на красные пятна на месте ушиба. Нога припухла, наливалась синевой, но жить можно. «Зла не хватает, – подумала Роза, – надо было проклятой лестнице сломаться, как раз когда я добралась до цели. Теперь уже не доделаю...»

И тут вспомнила, что есть другая лестница. Та, что в подвале.

Ингрид

Титус, Титан, Титанище... Сильный, красивый, неуязвимый. Сперва их отношения оставались тайной. По крайней мере, так им казалось. Но вскоре Ингрид поняла, что о них всюду судачат. Когда под Рождество «Шведский журнал книгоиздателей» раздавал шуточные призы в виде книг с выразительными названиями (и некоторые звучали весьма ядовито), Титусу достался сборник стихов «Потаенное». Поначалу Ингрид не поняла иронию, а когда осознала, то чуть сквозь землю не провалилась от стыда.

Титус рассвирепел. Ринулся к телефону, дабы сей же миг отменить подписку на издание, но в последнюю минуту одумался. Такая реакция положения не исправит.

Да, она знала, что Титус женат. Думать об этом было больно. И не только из-за угрызений совести, нет, ей было обидно и больно за себя. Обычная, банальная ревность. Словами такое не выразить. Да еще приходилось мириться с тем, что он всегда возвращался домой в Бромма. Он бывал у нее при каждом удобном случае. Издательский бизнес предполагает разъезды, и в Париж они поехали вместе. Тогда как раз выпадали долгие выходные, и она закрыла магазин на несколько дней.

Но Роза, его жена... И еще у нее сын, парень по имени Томас.

– Он ведь не от тебя, правда?

– Не знаю, чей он. И я его не усыновлял.

– А сколько ему лет?

– Взрослеет. Когда мы с Розой встретились, ему было десять. Так что можешь сама подсчитать.

Ох уж эти сложные отношения... Титусу пришлось самому воспитывать дочерей, когда его жена сбежала с учителем пения. Отец-одиночка. Правда, через пару лет мать опомнилась и стала навещать детей дважды в неделю, но простить ее до конца Титус так и не смог.

Ингрид же всю жизнь с успехом избегала сложных отношений. Ни мужа, ни любовника. Даже не жила ни с кем. В этом смысле они с Розой были похожи, но поняла она это не сразу.

Ингрид была старшей из трех сестер. Выросла в Хускварне. Отец работал на вентиляторном заводе в Йончепинге, мать домохозяйка. Зажиточная семья, счастливое детство, строгое христианское воспитание. Родители уже несколько лет как умерли, лежат на Восточном кладбище. Что бы они сказали, если бы узнали? Ведь так гордились старшей дочерью, а она спуталась с женатым, как последняя потаскуха. Их Ингрид разрушила чужой брак. Не возжелай... Она змея. Искусительница.

Зазвонил телефон. Нужно ответить. Не хочется, но надо. Вдруг из больницы, вдруг это он. Выпуталась из простыней, встала. В трубке – голос Марии, сестры, моложе ее самой на два года. Голос взволнованный, дыхание прерывистое.

– Привет, Ингрид. Ну, что... как ты?

– Он в больнице.

– А, вот как... Опять?

– Да.

– Как состояние?

– Не то чтобы хорошее.

– Значит, все не очень?

– Да. Но медсестра сказала, что завтра полегчает.

– Так и сказала?

– Да. Так и сказала. Ему какую-то капельницу поставили.

– А ты... разве не там сейчас? Не с ним?

– Нет, я дома. Он заснул. Велел мне домой ехать.

На том конце звучал детский плач. Недавно Мария стала бабушкой.

– Хочешь, приеду? – спросила сестра.

– Спасибо, но ты ведь сама не хочешь.

– Но я приеду, если тебе одиноко.

Младенец заорал в голос, заглушая Марию.

– Лучше позаботься о малыше, – посоветовала Ингрид.

– У него колики, как у всех трехмесячных. Жалко бедняжку, так страдает...

– Давай завтра поболтаем.

– И у Лилианы все не гладко. Пропало молоко, дальше хуже. В общем, снова положили ее в родильное отделение. Слаба так, что ходить не может.

– Тогда тем более думай о малыше!

Разговаривать она была не в силах, хотелось тишины, покоя. И толку от сестры никакого. Мария с детства нуждалась в защите и опеке, переживала из-за каждого пустяка, вечно ждала, что случится что-нибудь ужасное. Впрочем, Ингрид такая же.

А вот самая младшая, Сесилия, совершенно иного склада. Рано начала жить самостоятельно, сейчас работает в приюте для беспризорников, в Рио.

Ингрид собрала простыни, растянула на кровати. Новое белье стелить не стала. Сходила за вином, достала бокал. Хорошо, что пробка нарезная. Проще открыть.

Выпила бокал до дна, подождала, когда алкоголь подействует.

Позвонила в отделение. Медсестра, с которой она прежде ни разу не встречалась, сообщила, что Титус уснул, она только что его навещала. Если бы ответила сестра Лена, то Ингрид смогла бы говорить откровеннее. Сказала бы: «Погладьте его от меня по щеке. Поцелуйте в лоб».

Сейчас эти слова прозвучали бы неуместно.

Выпила еще бокал. Девять тридцать, субботний вечер. Вспомнилось, что в холодильнике лежит паштет, но есть не хотелось.

Именно паштет они обычно ели по вечерам. В ее квартире, на улице Рингвеген. Титус паштет обожал. Странно, что он ему не приелся после бесчисленных издательских презентаций.

Как-то раз, в один из таких вечеров, когда он должен был вот-вот собираться ехать домой, Ингрид спросила:

– Какие у тебя планы на мой счет?

Она бы еще расплакалась!

Он лежал в постели, отвернувшись. Молчал. Она приподнялась и заглянула ему в лицо. Между бровями залегла складка.

– Титус...

– Давай лучше так сформулируем вопрос, – хрипло сказал он, – а что, собственно, мы, ты и я, хотим друг от друга?

– Я тебя люблю, очень люблю...

– Угу.

– И отдаю больше, чем получаю. Я не имею на тебя никаких прав, я знаю. Но я не могу без тебя. Ты заставляешь...

Титус перевернулся на спину. Затащил ее на себя. Руки легли на ее ягодицы. Она ощутила возбуждение и тут же расплакалась.

– Все это так сложно, – пробормотал он.

– Я знаю. Но чего ты хочешь? – Она боялась спросить напрямик, боялась загнать его в угол, поставить перед выбором.

– Ты сама знаешь.

– Я постоянно о ней думаю. О Розе. О том, кто она тебе, и все такое...

Выпалила скороговоркой: знать на самом деле ей не хотелось, но она должна, даже если больно.

– Она мой добрый друг и жена.

Как раз такой ответ ей хотелось услышать меньше всего. Пощечина.

– А от меня тебе тогда что нужно?!

Соскочила с кровати, запахнулась в халат. Встала у окна, расправила плечи. Слушала, как он шуршит одеждой.

– Я поеду. – Он стоял перед дверью.

– Вали! Убирайся!

Дверь захлопнулась.

Прошло три дня. Она бродила по своему магазину, продавала книги. Любовные романы и стихи. Приятная клиентура. Ее магазин был единственный на всю округу, после того как закрылся «Хемлинс» на Вестерлонггатан, просуществовавший почти полтора столетия, – ее магазину недавно стукнуло одиннадцать лет.

– Теперь вы у нас только и остались, – говорили дамы из кружка любителей чтения, которых переполняло желание обсудить все созданные человечеством шедевры.

Ингрид отвечала им безучастно. Ее грусть бросалась в глаза.

– Дорогая, мы так переживаем за вас...

– Это всего лишь печаль. Пройдет. Со мной такое бывает осенью.

Она снова одна. Смотрит на дверь.

А там он.

И они играли. Гонялись друг за другом, дурачились на полу. В дверь постучала соседка из квартиры слева:

– Простите, у вас все в порядке?

Ингрид покраснелась, волосы всклокочены.

– Да-да, все хорошо. Извините, если потревожили. Просто забылись.

Титус. Что за имечко! Но у него ответ наготове:

– Я знаю издателя по имени Брутус. Крутой бренд, а? «Издательство Брутуса»...

Титус. Титус... Титан.

Сильный и неуязвимый.

И однажды, в восемь вечера:

– Сегодня я все ей скажу.

– Ей? И что же ты скажешь?

– Ты знаешь что.

Сердце затрепетало, забилося под ребрами, под ладонью.

– Нет, не знаю, – прошептала она.

– Скажу, что настала пора расстаться.

Ингрид спрятала лицо в ладонях. Внутри разрасталась радость.

– И как, по-твоему, она отнесется к новости?

Он молча покачал головой.

Никаких подробностей Титус ей так и не сообщил. О Розе. О ее характере, о том, кто она, чем живет, как смотрит на него, как просыпается по утрам. Ничего из того, чем ей так хотелось изводить себя, он ей не рассказал. Лишь произнес:

– Если бы я не уважал ее так сильно, все обернулось бы намного проще. Если бы она была похожа... ну, на Биргитту, например. На мать девочек.

– А как же мальчик? Ее сын?

– Томас. Вырос без отца. Так что я стал... в общем, мы привязались друг к другу, что ли.

– Но разве он уже не взрослый?

– Взрослый. В прошлом году школу закончил.

– Титус, я вот что давно хотела у тебя спросить. Можешь не отвечать, если не хочешь. Но как у вас с Розой все складывалось в самом начале?

Титус поморщился, будто от боли:

– Она была сильной и надежной подругой.

Опять это слово. Подруга... Друг...

– А как же любовь?

О, этот архаический слог, возникший, едва лишь они заговорили о сложных вещах!

– Разумеется, любовь тоже была.

– Была?

– Да. Была.

– А сейчас?

– Да сколько можно, Ингрид! Сейчас есть только мы!

Роза

В кухонном полу – люк. Под ним лестница, ведущая в подвал. Подняла крышку люка, легла на живот, заглянула вниз. Лестница выглядела надежной, вполне сгодится, чтобы закончить начатое. Только бы дотащить до яблони.

А нога все болит, ноет и ноет.

Роза старалась отвлечься от боли. Надо будет надеть рабочие перчатки, так крепче можно ухватиться. Она какое-то время лежала у люка, вглядываясь в темноту. Внезапно из подпола донесся шорох. Блеснула пара юрких, сверкающих точек.

– Фига, ты?

Шелест, топоток. Нет. Не Фига. Там зверь покрупнее. Потяжелей.

Посветила фонариком вниз, но ничего не разглядела. Придется спускаться.

Первоначально пол был залит цементом, но Томас и друзья уложили сверху квадратные панели, соединявшиеся друг с другом. Кажется, они назывались «Браго»... а может быть, так называлось печенье? Печенье «Браго»? А, нет, вспомнила: «Берго». «Берго-тайлз».

Она встала в центре подвала. Из открытого люка падал прямоугольник света, в углах затаилась тьма. Лучом фонарика Роза высвечивала стены, пока наконец не увидела подтверждение своим опасениям. В одном углу чернела дыра. Плохо. Нужно приглядывать за крысами, зря позволила им расплодиться.

Выбралась из подпола, нашла кусок мазонита[4 - Листовой строительный материал из смеси искусственного воска, дерева, минералов и других материалов.], молоток, коробку с гвоздями. Сложила все в полиэтиленовый пакет, пакет повесила на руку и снова полезла в подвал.

Внизу ее поджидала крыса. Огромная – наверное, самец. Сидел прямо перед дырой. Таких огромных она не видела прежде. Уселся на задние лапы и нагло уставился на нее.

– Сгинь! – громко сказала она. – Ты тут лишний!

Крыса оскалилась, обнажила мощные желтые клыки. Дернулся хвост, будто гремучая змея. Совсем не похожа на ее крысок. Огромный зверь, шерсть вздыблена, хвост толщиной с палец.

Она замахнулась пакетом:

– Проваливай! Убирайся, и чтобы я тебя здесь не видела больше!

Крыса опустилась на все четыре лапы и стала еще массивней. А затем вдруг ринулась к Розе. Та перепугалась. Затопала. Нога отозвалась болью, но крыса резко развернулась и юркнула в дыру, оставив высокую кучку влажного помета.

Роза опустилась на колени. Сердце бешено стучало. Она заставила себя сделать глубокий вдох. Вслушалась, однако из дыры не доносилось ни звука. Вытащила из пакета лист мазонита и принялась заколачивать лаз. Получалось с трудом, приходилось изгибать руку под непривычным углом, так что сильно ударить не выходило. Да и стена была твердая. Прежде чем заплата встала на место, Роза извела немало гвоздей.

Наконец она поднялась, по телу пробежал озноб, точно она была в лихорадке. Откуда взялся этот огромный крысук? А если бы он набросился на ее нежных крысок? Роза старалась держать под контролем крысиную популяцию, поэтому рождавшихся самцов просто уничтожала. Выискивала в помете и уничтожала. Но это было нелегко, поскольку отличия становились видны, лишь когда крысенку исполнялся месяц. Но этот! Настоящий мафиози, крестный отец!

Она дохромала до сарая, нашла крысоловку. Если этот бугай прогрызет новую дыру, то угодит прямо в капкан. Дрожа от ярости, она положила приманку – кусок сыра. Заколебалась, взводя ударный механизм. А что, если попадутся ее крысы? Нет, они умные и наверняка учуют опасность. Но ведь тогда и монстр учует.

Поколебавшись, сунула ловушку обратно в пакет. Слишком рискованно. Остается лишь одно – оставить люк приоткрытым и прислушиваться: вдруг самец начнет прогрызать новую дыру? А потом устроить засаду и поймать крысюка.

Она надела рабочие перчатки с рыжим ворсом изнутри и с трудом выволокла лестницу из люка. Вообще-то ей расхотелось обрезать яблоню. Лучше засядет за работу: две толстенные рукописи дожидаются корректуры, одна из книг написана автором, которого Роза недолюбливала. Многословный и нудный испанец, которого постоянно выдвигают на Нобелевскую премию. Новый роман назывался «Следы пепла», но, как выяснилось, в название вкралась опечатка, так что называется книга «Слезы пепла». Дурной знак. К рукописи Роза почти не притрагивалась, а сдавать работу уже через четыре дня. И Оскар обезумеет, если она не уложится в срок. И посадит ее на голодный паек.

Оскару Свендсену было тридцать девять (возраст она подсмотрела на интернет-сайте). В основном они общались электронной почтой, по телефону или через курьера. Розу это вполне устраивало. Оскар вечно смотрит на нее так, будто оказывает великое одолжение, позволяя вычитывать рукописи для столь крутого издательства. Лицо у него вытянутое, с детским выражением, одевается в униформу деятелей культурного фронта: черные джинсы и рубашка поло. И лысый.

Оскар словно почувствовал, что Роза думает о нем, – когда она вытаскивала лестницу, раздался звонок.

– Привет! Это Оскар Свендсен из «Карлбакс».

Вполне хватило бы имени, название компании – явный перебор, но таков уж Оскар: всегда сообщает свое имя и следом – название издательства, точно для того, чтобы подчеркнуть разделяющую их дистанцию. А может, дает понять, что не потерпит фамильярных прозвищ, которыми обходятся многие в издательском бизнесе. Царь и бог.

– Привет, – ответила Роза одышливо. Мелькнула было мысль, что он собирается поздравить ее с днем рождения.

– Вы с пробежки?

– Вовсе нет. Просто я...

– Ну и как продвигаются дела? – перебил голос в трубке, и Роза буквально увидела, как Оскар сидит за своим столом, заваленным книгами и рукописями.

– Какие именно дела? – ответила она вопросом на вопрос, прекрасно сознавая, что подобный прием запросто может спровоцировать у него истерику.

– А о чем я спрашиваю, по-вашему?

– Если вы о Мануэле Рамиресе, то я заканчиваю, – солгала она. – Получите его в пятницу. Точно в условленное время.

Оскар задумчиво присвистнул.

– А пораньше никак?

– Можно и пораньше. Скажем, в среду.

– А еще пораньше?

Роза притворилась, будто раздумывает:

– Ну, я даже и не знаю...

– Дело в том, что у нас тут путаница с графиком и книгу нужно сдать в печать быстрее, чем планировалось.

Есть ли у нее выбор?

– Это очень непросто, – помедлив, ответила она, – я ведь работаю не только с вашим издательством.

Последняя фраза прозвучала глупо, и она тотчас пожалела о ней. Оскар Свендсен коротко рассмеялся:

– У вас все получится, Роза. Вы ведь кремень у нас.

Означало это совсем иное: если она не сдаст работу в среду, то на новые заказы может не рассчитывать.

Ингрид

Казалось, на нее все смотрят. Коллеги. Клиенты – по крайней мере, некоторые из них. К работе она относилась все с большей прохладцей. Обещала заказать книги – и тут же забывала об этом. Путалась со сдачей. Наплевала на оформление витрины, которая являла собой убогое зрелище.

Я должна взять себя в руки.

Думала о Розе и, что странно, о мальчике.

Однажды она их увидела. Всех троих. Шли по другой стороне на Дроттингатан. Женщина держала его под руку. Бледный и долговязый мальчик, одетый во все черное. Женщина повернулась к нему, что-то сказала. Лицо мальчика просияло. А Титус засмеялся, и вот уже смеялись все трое. Ее никто не заметил. Не удержалась и пошла следом, видела, как они зашли в кондитерскую «Хуртигс». Мелькнула мысль, а не зайти ли тоже, сесть, заказать себе кофе.

Нет.

Ни за что.

Зато она увидела ее. Розу. Теперь она ее знает. Маленькая, хрупкая. Светлые, взъерошенные волосы. Удобные туфли на плоской подошве. «Фреви»[5 - Фирма, выпускающая практичную обувь.], – презрительно подумала она. И кожаная куртка, явно на пару размеров больше. Его куртка. Это была его куртка.

Она его потом спросила. Они встретились в его автомобиле на парковке у станции метро «Рокста».

– Я видела тебя в городе, ты меня не заметил. Теперь я знаю, как выглядит Роза.

Его подбородок дернулся.

– Я шла одна. Вы были на другой стороне улицы.

Он разозлился. О некоторых вещах лучше не говорить. Пальцы так стиснули руль, что костяшки побелели.

– И она была в старой куртке...

– Да, куртка-пилот. Моя куртка, черт бы тебя побрал!

– Так больше не может продолжаться. Я не вправе вас разлучать, вы единое целое, мне это стало очевидно, когда я вас увидела. Я увидела гармонию, согласие... да и кто я такая, чтобы разрушать это?

Он медленно повернулся к ней. Синева в глазах отдавала чернотой.

– Что мы делаем? – резко спросила она. – Что мы творим?

И ушла. Распахнула дверцу, выпрыгнула. Напряженно вслушивалась – ожидала, что он бросится следом. Или заведет двигатель и догонит.

Ничего не происходило.

Пришлось обернуться. Автомобиль стоял на месте. Захотелось подбежать, распахнуть дверцу, вклепить пощечину. Но вместо этого направилась в метро. Очень кстати подошел поезд, и она запрыгнула в вагон.

Ингрид ждала, что он даст о себе знать. Сама ничего предпринимать не станет. Теперь она сильная, чистая – как сказала бы мама. Если твоя совесть чиста, то и ты чиста. Она долго выбиралась из грязи, и вот под ногами твердая почва. Хотя какая-то определенность.

Он не звонил, не появлялся. А за неделю до Пасхи пришло письмо:

Что бы ты ни сказала и что бы ты ни сделала, но я с ней поговорю. Что ты планируешь – неважно. Теперь ты все знаешь. И еще: в четверг я улетаю в Барселону. Если хочешь полететь со мной, есть билет. Я заказал номер на двоих в гостинице в самом центре. Ты видела шествие каталонских детей на Вербное воскресенье? Если нет, на это стоит посмотреть...

И ни даты, ни подписи.

Она полетела в Барселону. Жене он так ничего и не рассказал. Но собирался.

– Я должен постараться не причинить ей боли. На это нужно время, ты же понимаешь. Можешь подождать?

Они были в парке Гуэля[6 - Знаменитый парк, созданный Антонио Гауди в 1900–1914 годах, в котором городская застройка гармонично соединена садами.]; сели на длинную, отделанную мозаикой скамью. Ингрид провела ладонью по поверхности:

– Как красиво... Интересно, откуда взяли все эти маленькие кусочки?

У него готовы ответы на любые вопросы:

– Это куски стекла и изразцов. В свое время Гауди пришлось заплатить изрядную сумму людям, дробившим сырье для его мозаик...

По телу прокатилась дрожь. Голос сделался хриплый:

– Разрушить, чтобы построить...

Он погладил ее по щеке.

Блузка липла к телу. Хотелось пить. Болели распухшие ноги.

– Скажи мне начистоту, что во мне такого, что ты... что мы...

Ведь так все банально. Полная женщина средних лет, работает в книжном магазине. Живет обычной жизнью. Обычной, но не совсем. Такая невинность... Или наигранность? Может, в ней прячется сила, о которой она не подозревает?

Он ответил. Медленно подбирая слова:

– Всё в тебе нравится. Всё.

– Как это – «всё»?

– Вот, например, как ты поворачиваешься, когда смущена, как вспыхиваешь и смотришь в пол. Твой румянец, твоё тело и то, что ты позволяешь мне с ним вытворять, то, как ты отдаешься...

На часах было десять часов и десять минут, когда снова зазвонил телефон. Ей полагалось испугаться. Столь поздний звонок означает, что случилось нечто серьезное. Так было, когда умер отец. Монотонный, скрипучий голос матери. Доктор сказал, что надо позвонить детям.

– Среди ночи?

– Да. Сказал, что это часто происходит ночью. Рождения и смерти.

В районную больницу «Рюхув» она не успела, ночью поезда не ходили. На станцию прибыла к обеду. Сперва заехала домой. Мать ждала в гостиной, ночь она провела без сна. Было тихо, не слышно даже шума уличного движения.

– Мама... – сказала она и хотела обнять.

Мать отстранилась: она всегда избегала прикосновений. Ушла на кухню, сварила кофе. От помощи отказалась.

Ингрид заглянула в спальню. Комната пуста, кровать застелена. Отец мог быть где угодно: в ванной или спустился в магазинчик за «Датским Королем», он любил эти красно-коричневые леденцы для горла. Ботинки аккуратно поставлены под стул. Шнурки ленточками, и Ингрид представила, как отцовские

пальцы продевают шнурки в дырки.

– Вот он и дома, – сказала мать. Они пили кофе, горький, обжигающий. – Дома, у Господа нашего. Там ему хорошо. Вот о чем нам думать надо, милая Ингрид.

Отец не болел, но чувствовал себя не вполне уютно после их переезда в новую квартиру в Йончепинге. В душе он оставался парнем из Хускварны.

– Разрыв аорты, так сказал врач. Такое не оперируют.

Ингрид похлопала мать по руке:

– Значит, ему удалось избежать участи бесчувственного овоща на соцобеспечении.

– Он ушел к Господу, – сказала мать и стиснула сухие, узловатые пальцы. Суставы опухшие, безобразные – раньше Ингрид не замечала. С матерью виделась редко.

Через год настала очередь матери. Позвонила Сесилия – поздним вечером, совсем как сейчас. Так обычно и случается, когда...

Они сидели, смотрели. Все три сестры. Напротив – прищурившаяся, почти улыбающаяся мать:

– Я так рада, доченьки, что вы собрались все вместе. Но скоро я встречу вашего отца. Я отправляюсь домой, к Богу.

Громко и отчетливо, четко выговаривая слова, Ингрид произнесла:

– Скоро и я отправлюсь к Богу.

И вот снова звонит телефон. Поздним вечером в субботу...

– Здравствуйте. Ингрид слушает.

Почему она так мямлит? Нужно взять себя в руки, взять себя в руки...

– Кто это?

Сердце бешено колотилось. К горлу подкатила тошнота. Она проглотила комок, выпрямилась и повторила:

– Это Ингрид Андерссон. С кем я говорю?

В трубку будто разрыдались.

– Алло! – вскрикнула она. – Кто это?

– Э... Это Юлия. Наверное, слишком поздно...

Юлия. Младшая дочь. Если бы Ингрид появилась в его жизни пораньше, пела бы девочкам колыбельные. Пока они еще были маленькие. У нее в памяти скопилось столько песенок Хранила их для своих детей. Но теперь они не нужны. Топ-топ ножками, Юлия, топ-топ-топ, гулять пойдем, топ-топ-топ, нам всем гулять охота...[7 - Народная шведская песенка, обычно исполняемая на празднике середины лета.]

Черт подери, Ингрид! Соберись!

– Что стряслось? – резко спросила она.

– Мой папа...

– Что с твоим папой?

– Он ведь умрет.

Теперь заплакала Ингрид. Зарыдали обе. Потом Ингрид заговорила:

– В отделении сказали, что завтра ему станет лучше. Когда вы с Йеннифер придете, ему станет лучше.

- А что, если мы опоздаем? Если мы не увидимся с ним?
- Нет! Нет, этого не произойдет!
- Сегодня он не захотел нас видеть. – Юлия всхлипнула.
- Да нет, он хотел. Просто устал очень. Я только что оттуда. Он был совершенно без сил. Но завтра он захочет вас повидать. Я уверена.
- Йеннифер сказала...
- Что она сказала?
- Что вы просто бросили трубку...
- Но это не так!
- А она сказала, что бросили!
- Нет-нет. Наверное, твоя сестра просто недопоняла.
- Папа действительно умрет?
- Не знаю. Нет! Не нужно об этом! Нужно думать о хорошем, мыслить позитивно.
- Позитивное мышление! Вы что, действительно в это верите? – Голос вдруг сделался жестким.
- Не знаю. Но попробовать не помешает.
- Он ведь такой жизнерадостный, папа... И всегда так любил жизнь. Всегда строил свою жизнь сам...
- Да.

– Это несправедливо! – вновь разрыдалась Юлия.

Ингрид захотелось положить трубку. Она чувствовала, как подступает мигрень. Так всегда бывает, если выпьет слишком много. Но звонок Юлии имел огромное значение. Она позвонила ей впервые.

– Приезжайте завтра с утра пораньше, – сказала Ингрид, неуклюже закругляя разговор.

– А вы тоже придете? Вы ведь знаете, какая у нас Йенни...

– Давайте вы побудете с ним первую половину дня, а я приеду потом.

Роза

Разговор с Оскаром Свендсеном испортил ей настроение. У этого человека просто дар вызывать неуверенность, ощущение никчемности. «Вы ведь кремень, Роза...» Ну да, ну да...

«Может, я и не кремень, и не кресало, но определенно – кромсало», – бормотала она, подтаскивая лестницу к яблоне. С обрезкой она повременит, бросит оставшиеся силы на корректуру. А деревом займется завтра. Да нет же, о чем она только думает! Куда подевалось ее упрямство? Никакие разговоры с редактором не должны менять ее распорядок.

А тело все ныло. Роза оттолкнула старую лестницу: давно пора пустить на дрова. От физического труда в этой ее новой жизни руки огрубели, ладони в мозолях. И она теперь сильнее, чем прежде. Ей нравилось так думать. Вставала перед зеркалом в спальне и разглядывала бицепсы, напрягала их, точно культуристка. Экзема ее осталась в прошлом, лишь порой напоминала о себе легким зудом; приходилось напрягать всю волю, чтобы не расчесывать. И через несколько минут зуд проходил.

Вскарабкалась по лестнице и принялась обрезать разросшиеся ветви. Упругие, полные жизни побеги. Все не обрежешь. Оказалось сложнее, чем ожидала, не до

всех веток дотянешься. Ну, хоть секатором орудовать может. Но вскоре рука у основания большого пальца, где давило кольцо садовых ножниц, ныла уже нещадно, тогда переключилась на пилу, приступила к битве с крупными ветвями.

Внизу, у берега, заметила бегуна. Дорожка, протоптанная за долгие годы множеством ног, рассекала весь мыс. Место стало популярным туристическим маршрутом – особенно с тех пор, как новый совет по локальному развитию утвердил строительство Ханста-пляжа. Многие из поселившихся в новеньких коттеджах были старше, чем хозяин виллы, – пенсионеры, осознавшие, что сил на собственный сад у них нет, но скучающие по деревенской жизни. И на балконах коттеджей зеленели пышные кущи. А днем эти дачники прогуливались по мысу рядом с домом Розы.

Недавно политики разродились идеей: заасфальтировать тропу и натывать фонарей. Ради блага жителей. Она надеялась, что затея провалится. Например, не найдется денег в бюджете.

Роза трудилась не один час, а обрезала-то всего ничего. Окончательно обессилев, решила доделать завтра. Осторожно спустилась на землю. Если бы только нога не болела так чудовищно! И если бы только не проклятая корректура, что твоя смиренная рубашка! Тогда бы она точно все сегодня закончила.

Лестницу она оставила у яблони: не было сил тащить обратно в дом. Да и дождь маловероятен.

Вскипятила воду и заварила пакетик чая с черникой. Соорудила бутерброды. Вот и праздничный обед ко дню рождения. Когда в доме жил Томас, она была разборчивей с едой: никаких полуфабрикатов. А вот готовить для себя одной – это не очень вдохновляло.

Где же сейчас сын? Она даже не знает, в какой стране. Порой закрадывалось чувство, что с ним стряслось что-то. Сын виделся ей лежащим на истертой койке, изможденный, в лихорадке. Ее мальчик... Ну уж открытку-то ко дню рождения, наверное, мог послать? Почту приносили сюда поздно, только после обеда. В прошлом году открытку она получила. Из Таиланда.

Мама, поздравляю нас обоих. С днем рождения!

И с тех пор все. Молчание.

Когда беременность стала очевидной, посыпались вопросы. Кто отец? А разве ты замужем? Больше всех любопытничала Гунилла, двоюродная сестрица. Как будто догадывалась, когда ребенок был зачат. Словно чувствовала за это ответственность. На ее вечеринке ведь все и случилось.

Родители отреагировали вовсе не так, как она ожидала. Роза была единственным ребенком, и родители чуть было не перестали надеяться обзавестись внуками. И тут... От пытливого материнского взгляда такое не утаишь.

– Роза, посмотри мне в глаза. Ни о чем не хочешь мне рассказать?

Разоблачения все равно не избежать. Почувствовала, как краснеет.

– Ты о чем?

– Не прикидывайся дурочкой. Мать тебя видит насквозь.

Живот у Розы оставался пока плоским, и ей казалось, что ничего не заметно. Ну, разве что лифчики теперь приходилось носить размером больше. И головокружение, когда из постели по утрам встает, и волчий аппетит, такой острый, что если не поешь, до тошноты доходит.

Мать притянула ее к себе. От нее пахло чем-то сухим, старостью. Муравейником и еловыми иголками. Как же обострилось обоняние.

– Мы с отцом станем дедушкой и бабушкой, правда? Наконец-то внук!

А Роза ждала упреков, скандала. Вместо этого мать кинулась вязать – старозаветные желтые ползунки, носки, распашонки и чепчики.

Ребенок должен был родиться в апреле. В том же месяце, что и Роза.

С отцом она поговорила лишь однажды. Его круглые глаза вечно слезились от усталости, красные от лопнувших сосудов. Его постоянно беспокоили ячмени, а потому в шкафчике в ванной всегда валялся выдавленный тюбик с мазью, срок годности которой давно истек.

– Девочка моя... – неловко произнес он.

Роза напряглась.

– Как у тебя дела? – продолжил отец.

– Ну, так... ничего.

– Возможно, это не совсем тактично, но видишь ли... я тут кое-что обдумал... – Он достал из кармана скомканный носовой платок, расправил и поднес уголком к глазу, промокнул.

– И? – неуверенно спросила она.

– Ты в положении... – Он снова умолк.

Такие старомодные выражения.

– В положении... Да. Точно. Ты хочешь сказать, что я беременна.

– Хм. Да. Но я подумал, что у ребенка должен быть отец.

– Нет, папа! – рассмеялась она, обрадовавшись собственной смелости. – Сие есть чистейшее непорочное зачатие. С небес снизошел ангел и предрек рождение младенца. Я удивлена не меньше твоего!

Отец прикрыл лицо руками. Роза поняла, что обидела старика.

– Само собой, у ребенка есть отец! – резко выкрикнула она. – Но моему сыну или дочери придется расти без него.

– А что, тот человек совсем не собирается взять на себя никакой ответственности? Скажи мне, кто он, я с ним поговорю! Ведь так нельзя!

– Нет, папа. Нет. Все совсем не так, как ты думаешь. Просто я сама решила не поддерживать с отцом ребенка никаких отношений. И больше говорить об этом не желаю. Надеюсь, ты меня поймешь.

Отец покачал головой, но расспросы прекратил.

А вот кузина Гунилла была настроена решительно:

– У меня есть подозрения. По-моему, я точно знаю, кто отец!

– Вот как...

– Но к чему тебе такая таинственность? Почему бы и не рассказать? Обещаю, что ничего тебе не скажу.

– Хватит!

– Это ведь кто-то с той вечеринки, правильно?

Кое-кто, кто по-шведски не говорит, так?

– Послушай, хватит уже! Неужели ты считаешь, будто я могу встречаться лишь с твоими друзьями?

– Можешь, можешь. Я не это имела в виду. Просто уточнила. А вдруг – он... Ну тот, о ком я подумала. Тогда ведь у него есть право знать. Разве ты сама так не считаешь?

– Mind your own business! [8 - Думай о своих делах! (англ.)] – прошипела Роза и тотчас пожалела, что ответила на английском.

Гунилла не унималась:

– Ну пожалуйста, ну скажи правду. Зря ты воображаешь, будто весь мир вращается вокруг тебя одной. А что ты ответишь ребенку, когда он или она вырастет и станет задавать вопросы?

– Будет день, будет и пища. И кстати, это тебя не касается.

Гунилла втянула воздух:

– Может, и не касается. Но я всегда относилась к тебе, как к родной сестре. А сестрам доверяют.

Впрочем, она не отступилась. Первой навестила Розу в родильном отделении. Отогнула угол простыни, под которой в маленьком пластмассовом закутке спал Томас, осмотрела двоюродного племянника. Затем с торжествующим видом глянула на мать:

– A little Englishman. Just what I thought[9 - Маленький англичанин. Как я и думала (англ.).].

Роза испугалась, что кузина отыщет Леонарда и выложит ему, что он стал папочкой. Но, похоже, Гунилла так и не сделала ничего подобного. А теперь уже и поздно.

В ту сентябрьскую ночь девяносто четвертого, когда разыгрался шторм, Гунилла была на борту «Эстонии». Оказалась среди тех, кому удалось добраться до спасательных шлюпок, но все равно погибла от переохлаждения и истощения.

Ингрид

Титус все-таки сказал жене. Собрался с силами и решился на разговор. Тем же вечером он стоял на пороге у Ингрид, в руках – спортивная сумка.

– Придется пожить у тебя несколько дней. Пока она не успокоится.

Но Розе не требовалось успокаиваться. Она была спокойна.

– И что она сказала? Как отнеслась?

Титус опустился в кресло, вытянул ноги. Волосы сальные, грязные, и была в нем какая-то неухоженность, какой она прежде не замечала. Они выпили вина, отмечая событие. «А хорошо бы сейчас шампанского», – подумала Ингрид. Титус нервно тербил очки, положил на столик, снова взял в руки. Она отметила, что стекла тоже нуждаются в чистке.

– Не знаю, – сказал он. – Правда, не знаю.

Она ждала. Титус повторил:

– Я не знаю.

– И что, ты вот так прямо и выложил все? «Роза, я ухожу от тебя»?

– Что-то в этом роде, да.

– А она...

– Она сидела и смотрела телевизор. Новости. Паника на Стокгольмской бирже, всё как всегда. Я взял пульт, выключил телевизор. Она сказала: «Вот как. А ты думал, я не знала? Давно догадывалась».

– Ох.

– Да. Так и сказала.

– А она спрашивала что-нибудь... про меня?

– Нет. Но я ей рассказал. Она должна знать. И о нашем знакомстве с тобой, о том, что мы уже давно встречаемся. Что я не просто... А она перебила меня и сказала, что ей все равно.

– Правда?

– И добавила, что хвост лучше отрубить разом, а не по частям. Спокойно так сказала. Даже с облегчением будто. – Он покачал головой и отпил вина. – Так странно. Я не ожидал подобной реакции. Я-то был на взводе, подготовил целую речь, объяснения, а она...

– А вдруг у нее тоже кто-то есть? Может, она тоже выжидала подходящего момента. Но ты ее опередил. Неудивительно тогда, что она ощутила облегчение.

Титус рассмеялся. Смех вышел холодным, резким.

– Роза? О нет, только не Роза.

– Откуда такая уверенность? Почему ты так считаешь?

– Потому что Роза, она... как бы это сказать... Честная. Правильная, что ли, или как там говорят обычно. Вряд ли она соврала хоть раз в жизни.

Внутри у Ингрид словно оборвалось что-то.

– А дальше? – хрипло сказала она. – Что дальше?

– А дальше я ей объяснил, что дом, пожалуй, нам продавать не нужно; можно устроить так, что они с сыном будут там жить. И что в любом случае торопиться с такими вещами не следует. Тогда и Йенни с Юлией тоже сохранили бы свои комнаты на вилле. У них ведь своего жилья еще нет. Словом, глобальных перемен не надо.

– Они ее любят?

– Кто?

– Твои дочери любят Розу?

– Ну, прежде отношения были хорошими. Хотя большую часть времени они сейчас живут у своей матери, у Биргитты.

– И что она ответила? О том, что вилла останется за ней?

Титус помолчал. Несколько раз кашлянул. Глотнул вина.

– Отказалась. Сказала, чтобы мы... чтобы я как можно скорее нашел маклера.

Ингрид думала, что ее должна захлестнуть радость, что от счастья она воспарит над землей. Взмоет под потолок, к люстре, невесомая... Но ничего такого не случилось. Напротив, ее точно придавила какая-то тяжесть, живот скрутило.

– Но куда же ей деваться? Да еще и с ребенком...

– Томас уже взрослый, в следующем году ему исполнится двадцать.

– Пусть так. Но где они будут жить?

– Все образуется, это все можно устроить. Практические вопросы решаются сами собой. В прошлый раз получилось именно так. Но в тот раз бросили меня.

Он рассказал, что Роза и Биргитта сразу нашли общий язык. Ингрид поняла, что Титус был не в восторге от симпатии, которая связывала его жен. Будто боялся, что женщины станут обмениваться опытом, делиться его секретами. К тому же его взглядам была присуща некоторая старомодность. А женщины? Ну да, эмансипация. Слово это он обычно выплевывал – точно проклятие, точно нецензурщину. Ингрид частенько его поддразнивала, не без удовольствия именуя шовинистом. Но это было в прошлом, в самом начале их романа. Когда ей еще казалось, что она способна на него влиять.

Поначалу после разрыва Розу приютила как раз Биргитта. Сына Роза взяла с собой. Томас отлично ладил с учителем пения, вторым мужем Биргитты. Оба были увлечены музыкой.

Места в доме Биргитты хватило всем.

Роза по-прежнему хранила безразличие. Но только не дочери Титуса. Они пришли в ярость. В кратком изложении Титуса выглядело это так:

– С одной стороны, я их понимаю, но с другой – нет. Наверное, дело в той старой истории. Они же взяли мою сторону, когда Биргитта нанесла удар. Всегда меня защищали, заботились обо мне, я ведь был пострадавшей стороной; они-то были еще маленькими, так что мне одному пришлось все дерьмо разгребать. Но сейчас-то все иначе. История совсем другая. Бросить мужа с двумя детьми – такое не прощают, я и не могу простить до сих пор. А сейчас... Мы все взрослые люди. И Юлия с Йенни не вправе, черт подери, решать за меня, как мне жить! Так что свои мысли они могут оставить при себе.

Он просто исходил гневом. Книги и прочие вещи так и летали по дому, когда девушки приехали, чтобы забрать скарб из своих комнат.

Йеннифер орала на отца: ну вот, а теперь ты поступил точно так же! Сделал то, в чем всегда винил маму! Почему ты о Розе не подумал?

Ингрид понимала, что ярость была направлена и на нее. Прошло больше года, прежде чем он познакомил новую жену и дочерей. Титус пригласил девушек в дом на Тулегатан, показал комнату, которую обустроил для них:

– Вот здесь, девочки, вы можете жить. Добро пожаловать в пансионат. И не придется ночью трястись в метро. – Он рассмеялся.

Девушки не поддержали шутливый тон. Вежливо заглянули в комнату – только потому, что Титус настаивал.

Ингрид с Титусом тоже держались скованно. Разок взялись за руки, и все. Она кожей чувствовала их оценивающие взгляды. Так вот ты какая, жирная сука.

Она испекла хлеб и приготовила салат с креветками и раковыми шейками. Красиво сервировала стол, у окна, стояла ранняя весна, под крышей галдели воробьи. На десерт – кофе с печеньем.

Йеннифер и Юлия. Его дочери, юные, крепкие девушки. Так не похожие друг на друга. У старшей, Йеннифер, темные спутанные волосы – такая мода, решила

Ингрид. Йенни была в кружевном лиловом топе, больше напоминавшем майку. Под топом – ничего, просвечивает бледная кожа, темные соски. Ингрид отметила, что и от внимания Титуса это тоже не укрылось, – судя по всему, так и было задумано. Явный вызов со стороны Йеннифер. На ногах – массивные башмаки на высоченной белой платформе. Не какие-то там туфельки на шпильках, а настоящие колоды. Выглядело это комично. Наряд довершала белая мини-юбка поверх белых же лосин.

Разумеется, Титус поддался на провокацию. Встав перед дочерью, он оценивающе осмотрел ее.

– Так вот как теперь нужно выглядеть?

Та выдержала его взгляд.

– Ага!

Светленькая Юлия казалась мягче и словно бы никого не осуждала – в открытую, во всяком случае. В тонком платье без рукавов, на бретельках, в сапожках. Обе девушки были обильно накрашены: темно-красная помада, подведенные глаза, постоянно распахнутые, словно моргать они не умеют. Фарфоровые, алебастровые. Будто куклы.

Украшений они не носили, и Ингрид почувствовала себя разряженной, как новогодняя елка: золотая цепочка, подарок Титуса, и кольца. Она даже чуть не сняла украдкой кольца, но вовремя одумалась. Она замужем за их отцом. Рано или поздно, но им придется принять ее.

Она исподтишка наблюдала за девушками, высматривала сходство с отцом. Не обнаружила, и ей почему-то сделалось грустно.

– Устраивайтесь, прошу вас, – сказала она. Рядом с этими грациозными юными созданиями Ингрид чувствовала себя большой и неуклюжей.

Йенни бесстрастно глянула на нее, лицо застывшее, точно маска.

– Прошу, – повторила Ингрид, указывая на кресла.

Йенни не двинулась с места, будто не слышала. «С ней что-то не так, – мелькнула у Ингрид мысль. – Явная психическая неуравновешенность». Вперед скользнула Юлия, опустилась на диван. Помедлив, Йенни присоединилась к сестре. Титус и Ингрид заняли места напротив.

– Ну, рассказывайте, как дела, – бодро сказал Титус.

– Нормально.

– Ох, ну и ответ!

Юлия пожала плечами. Йеннифер сидела неподвижно.

– Йеннифер, ты же заканчиваешь гимназию в следующем году. Придется много вкалывать. В смысле, грызть гранит науки... Вот, помню, я в ваши годы... Хотя сейчас, наверное, все иначе.

– Все нормально, – сдержанно сказала Йеннифер.

– А ты уже знаешь, кем хочешь стать? – встряла Ингрид.

– Нет.

– Да, это нелегко. Я тоже не знала.

– Ты как-то говорила, что хочешь изучать историю искусств, – сказал Титус.

Йенни разглядывала стену. Молчала. Титус повернулся к Юлии:

– А ты? Ты ведь у нас вечно витаешь в облаках. И сочиняешь. У нее явные способности к этому, – улыбнулся он Ингрид и снова посмотрел на дочь: – Не поделишься планами? Хочешь заниматься литературой? Какие планы?

– О, так, может, по стопам отца? – спросила Ингрид.

– Не знаю.

– Литература! – продолжала Ингрид. – Я всегда об этом мечтала!

Юлия вежливо улыбнулась:

– А почему тогда не занялись этим?

– Да, скажите!

– Как вам известно, у Ингрид собственный книжный магазин, – ответил за нее Титус.

– Тем более! – заметила Юлия, вдруг показавшись взрослее. – Разве это не главное условие для владельца книжного магазина? Знать все о своем товаре?

– Детка, – усмехнулся отец, – скоро ты узнаешь о жизни с другой стороны. Порой у меня возникает ощущение, что большинство людей из тех, кто стоит за прилавком книжных магазинов, с таким же успехом могли бы торговать колбасой.

– И что плохого в том, чтобы торговать колбасой? – парировала Юлия.

– Ничего, если не путать колбасу с книгами. – Отец посмотрел на дочерей, ожидая, что те рассмеются в ответ. Но они не рассмеялись.

Ингрид нервно улыбнулась. Пододвинула блюдо с салатом к Йенни. Почудилось, будто девушка еще сильнее напряглась. Даже не посмотрела на тарелку.

Ингрид заметила, что Титус закипает.

– Ну что же ты, Йенни? Угощайся. Ингрид готовила салат целое утро.

Ингрид покраснела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/inger-frimansson/krysolovka-2/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Акуна матата (суах. Nakuna matata) – букв, без забот.

2

История из романа Нигер Фриманссон «Доброй ночи, любовь моя», вышедшего на русском языке в издательстве «Фантом Пресс» (2011).

3

Леонард Коэн (р. 1934) – всемирно известный канадский поэт, писатель, певец и автор песен.

4

Листовой строительный материал из смеси искусственного воска, дерева, минералов и других материалов.

5

Фирма, выпускающая практичную обувь.

6

Знаменитый парк, созданный Антонио Гауди в 1900–1914 годах, в котором городская застройка гармонично соединена садами.

7

Народная шведская песенка, обычно исполняемая на празднике середины лета.

8

Думай о своих делах! (англ.)

Маленький англичанин. Как я и думала (англ.).

Купить: <https://telnovel.com/inger-frimansson/krysolovka-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)